

General Editor: Andreas Umland, *Shevchenko University of Kyiv*, umland@stanfordalumni.org

Editorial Assistant: Olena Sivuda, *Dragomanov Pedagogical University of Kyiv*, sivuda@ukrcognita.com.ua

EDITORIAL COMMITTEE*

DOMESTIC & COMPARATIVE POLITICS

Prof. **Ellen Bos**, *Andrássy University of Budapest*
Dr. **Ingmar Bredies**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Dr. **Andrey Kazantsev**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Dr. **Heiko Pleines**, *University of Bremen*
Prof. **Richard Sakwa**, *University of Kent at Canterbury*
Dr. **Sarah Whitmore**, *Oxford Brookes University*
Dr. **Harald Wydra**, *University of Cambridge*

SOCIETY, CLASS & ETHNICITY

Col. **David Glantz**, *“Journal of Slavic Military Studies”*
Dr. **Rashid Kaplanov**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Marlène Laruelle**, *EHESS, Paris*
Dr. **Stephen Shulman**, *Southern Illinois University*
Prof. **Stefan Troebst**, *University of Leipzig*

POLITICAL ECONOMY & PUBLIC POLICY

Prof. em. **Marshall Goldman**, *Wellesley College, Mass.*
Dr. **Andreas Goldthau**, *Stiftung Wissenschaft und Politik*
Dr. **Robert Kravchuk**, *University of North Carolina*
Dr. **David Lane**, *University of Cambridge*
Dr. **Carol Leonard**, *University of Oxford*

ADVISORY BOARD*

Prof. **Dominique Arel**, *University of Ottawa*
Prof. **Jörg Baberowski**, *Humboldt University of Berlin*
Prof. **Margarita Balmaceda**, *Seton Hall University*
Dr. **John Barber**, *University of Cambridge*
Prof. **Timm Beichelt**, *European University Viadrina*
Prof. **Archie Brown**, *University of Oxford*
Dr. **Vyacheslav Bryukhovetsky**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Prof. **Timothy Colton**, *Harvard University, Cambridge*
Prof. **Paul D’Anieri**, *University of Kansas, Lawrence*
Dr. **Heike Dörrenbächer**, *DGO, Berlin*
Dr. **John Dunlop**, *Hoover Institution, Stanford, California*
Dr. **Sabine Fischer**, *EU Institute for Security Studies*
Dr. **Geir Flikke**, *NUPI, Oslo*
Prof. **Alexander Galkin**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Frank Golczewski**, *University of Hamburg*
Dr. **Nikolas Gvosdev**, *“The National Interest,” DC*
Prof. **Mark von Hagen**, *Arizona State University*
Dr. **Guido Hausmann**, *Trinity College Dublin*
Prof. **Dale Herspring**, *Kansas State University*
Dr. **Stefani Hoffman**, *Hebrew University of Jerusalem*
Prof. **Mikhail Ilyin**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Prof. **Vladimir Kantor**, *Higher School of Economics*
Dr. **Ivan Katchanovski**, *University of Toronto*
Prof. em. **Andrzej Korbonowski**, *University of California*
Dr. **Iris Kempe**, *Center for Applied Policy Research*
Prof. **Herbert Küpper**, *Institut für Ostrecht München*
Dr. **Rainer Lindner**, *Stiftung Wissenschaft und Politik*
Dr. **Vladimir Malakhov**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Luke March**, *University of Edinburgh*

FOREIGN POLICY & INTERNATIONAL AFFAIRS

Dr. **Peter Duncan**, *University College London*
Dr. **Taras Kuzio**, *George Washington University, DC*
Prof. **Gerhard Mangott**, *University of Innsbruck*
Dr. **Diana Schmidt**, *University of Bremen*
Dr. **Lisbeth Tarlow**, *Harvard University, Cambridge*
Dr. **Christian Wipperfürth**, *N-Ost Network, Berlin*
Dr. **William Zimmerman**, *University of Michigan*

HISTORY, CULTURE & THOUGHT

Dr. **Catherine Andreyev**, *University of Oxford*
Prof. **Mark Bassin**, *University of Birmingham*
Dr. **Alexander Etkind**, *University of Cambridge*
Dr. **Gasán Gusejnov**, *University of Bremen*
Prof. em. **Walter Laqueur**, *Georgetown University*
Prof. **Leonid Luks**, *Catholic University of Eichstaett*
Dr. **Olga Malinova**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Andrei Rogatchevski**, *University of Glasgow*
Dr. **Mark Tauger**, *West Virginia University*
Dr. **Stefan Wiederkehr**, *DHI, Warsaw*

Dr. **Michael McFaul**, *Stanford University, California*
Prof. **Birgit Menzel**, *University of Mainz-Germersheim*
Prof. **Valery Mikhailenko**, *The Urals State University*
Prof. **Emil Pain**, *Higher School of Economics, Moscow*
Dr. **Oleg Podvintsev**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Olga Popova**, *St. Petersburg State University*
Dr. **Alex Pravda**, *University of Oxford*
Dr. **Erik van Ree**, *University of Amsterdam*
Dr. **Joachim Rogall**, *Robert Bosch Foundation, Stuttgart*
Prof. **Peter Rutland**, *Wesleyan University, Middletown*
Dr. **Sergei Ryabov**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Prof. **Marat Salikov**, *The Urals State Law Academy*
Dr. **Gwendolyn Sasse**, *University of Oxford*
Prof. **Jutta Scherrer**, *EHESS, Paris*
Prof. **Robert Service**, *University of Oxford*
Mr. **James Sherr**, *Defence Academy of the UK, Swindon*
Dr. **Oxana Shevel**, *Tufts University, Medford*
Prof. **Eberhard Schneider**, *University of Siegen*
Prof. **Olexander Shnyrkov**, *Shevchenko University, Kyiv*
Prof. **Hans-Henning Schröder**, *University of Bremen*
Prof. **Viktor Shnirelman**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Lisa Sundstrom**, *University of British Columbia*
Dr. **Philip Walters**, *“Religion, State and Society,” Leeds*
Prof. **Zenon Wasyliv**, *Ithaca College, New York State*
Dr. **Lucan Way**, *University of Toronto*
Dr. **Markus Wehner**, *“Frankfurter Allgemeine Zeitung”*
Dr. **Andrew Wilson**, *University College London*
Prof. **Jan Zielonka**, *University of Oxford*
Prof. **Andrei Zorin**, *University of Oxford*

* While the Editorial Committee and Advisory Board support the General Editor in the choice and improvement of manuscripts for publication, responsibility for remaining errors and misinterpretations in the series’ volumes lies with the books’ authors.

Soviet and Post-Soviet Politics and Society (SPPS)

ISSN 1614-3515

Founded in 2004 and refereed since 2007, SPPS makes available affordable English-, German- and Russian-language studies on the history of the countries of the former Soviet bloc from the late Tsarist period to today. It publishes approximately 20 volumes per year, and focuses on issues in transitions to and from democracy such as economic crisis, identity formation, civil society development, and constitutional reform in CEE and the NIS. SPPS also aims to highlight so far understudied themes in East European studies such as right-wing radicalism, religious life, higher education, or human rights protection. The authors and titles of previously published and forthcoming manuscripts are listed at the end of this book. For a full description of the series and reviews of its books, see <http://www.ibidem-verlag.de/spps.html>.

Note for authors (as of 2007): After successful review, fully formatted and carefully edited electronic master copies of up to 250 pages will be published as b/w A5 paperbacks and marketed in Germany (e.g. vlb.de, buchkatalog.de, amazon.de). English-language books will, in addition, be marketed internationally (e.g. amazon.com). For longer books, formatting/editorial assistance, different binding, oversize maps, coloured illustrations and other special arrangements, authors' fees between €100 and €1500 apply. Publication of German doctoral dissertations follows a separate procedure. Authors are asked to provide a high-quality electronic picture on the object of their study for the book's front-cover. Younger authors may add a foreword from an established scholar. Monograph authors and collected volume editors receive two free as well as further copies for a reduced authors' price, and will be asked to contribute to marketing their book as well as finding reviewers and review journals for them. These conditions are subject to yearly review, and to be modified, in the future. Further details at www.ibidem-verlag.de/red/spps-authors.

Editorial correspondence & manuscripts should, until 2008, be sent to: Dr. Andreas Umland, DAAD, German Embassy, vul. Bohdana Khmel'nitskoho 25, UA-01901 Kiev, Ukraine; umland@stanfordalumni.org.

Business correspondence & review copy requests should be sent to: *ibidem*-Verlag, Julius-Leber-Weg 11, D-30457 Hannover, Germany; tel.: +49(0)511-2622200; fax: +49(0)511-2622201; spps@ibidem-verlag.de.

Book orders & payments should be made via the publisher's electronic book shop at: http://www.ibidem-verlag.de/red/SPPS_EN/

Recent Volumes

- 51 *Sonja Schüller*
Die ethnische Dimension der Armut
Roma im postsozialistischen Rumänien
Mit einem Vorwort von Anton Sterbling
ISBN 978-3-89821-776-7
- 52 *Галина Кожевникова*
Радикальный национализм в России и противодействие ему
Сборник докладов Центра «Сова» за 2004-2007 гг.
С предисловием Александра Верховского
ISBN 978-3-89821-721-7
- 53 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях I
Высшие должностные лица РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-796-5
- 54 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях II
Члены Правительства РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-797-2
- 55 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях III
Руководители федеральных служб и агентств РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-798-9
- 56 *Ileana Petroniu*
Privatisierung in Transformationsökonomien
Determinanten der Restrukturierungs-Bereitschaft am Beispiel
Polens, Rumäniens und der Ukraine
Mit einem Vorwort von Rainer W. Schäfer
ISBN 978-3-89821-790-3
- 57 *Christian Wipperfürth*
Russland und seine GUS-Nachbarn
Hintergründe, aktuelle Entwicklungen und Konflikte in einer res-
ourcenreichen Region
ISBN 978-3-89821-801-6
- 58 *Togzhan Kassenova*
From Antagonism to Partnership
The Uneasy Path of the U.S.-Russian Cooperative
Threat Reduction
With a foreword by Christoph Bluth
ISBN 978-3-89821-707-1
- 59 *Alexander Höllwerth*
Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin
Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen
Rechtsextremismus
Mit einem Vorwort von Dirk Uffelmann
ISBN 978-3-89821-813-9

Олег Рябов

«РОССИЯ-МАТУШКА»

Национализм, гендер и война в России XX века

С предисловием Елены Гоцило

ibidem-Verlag
Stuttgart

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available in the Internet at <http://dnb.d-nb.de>.

Cover picture: Проснувшаяся, Н.Р. (Н. Радлов) (1889–1942), 1915. Source: Новый сатирикон. 1915. № 24. С. 1. Public property

∞

Gedruckt auf alterungsbeständigem, säurefreiem Papier
Printed on acid-free paper

ISSN: 1614-3515

ISBN-10: 3-89821-487-7

ISBN-13: 978-3-89821-487-2

© *ibidem*-Verlag
Stuttgart 2007

Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in or introduced into a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means (electronical, mechanical, photocopying, recording or otherwise) without the prior written permission of the publisher. Any person who does any unauthorized act in relation to this publication may be liable to criminal prosecution and civil claims for damages.

Printed in Germany

Памяти моего отца

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

*The Eternal Return: Polyvalent Maternal
Discourse and National Identity*

Helena Goscilo 9

Введение 27

I. **Национализм, гендер, война: методология исследования**

I. 1. Гендер 31

I. 2. Национализм 44

I. 3. Национализм и гендер 53

I. 4. Война и мир в гендерном дискурсе 75

II. **«Россия-Матушка» сквозь призму постколониальных исследований**

*II. 1. «Russianism»: «Mother Russia» в западном
дискурсе о России* 89

*II. 2. Женственность России в русском
мессианизме* 107

*II. 3. «Россия-Матушка» в политиках идентич-
ности русского национализма* 115

III. «Россия-Матушка» в истории XX века	
<i>III. 1. «Облеченная солнцем Жена»: национализм, гендер и война в дискурсе Серебряного века</i>	129
<i>III. 2. «Наша великая матушка Россия»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе Первой мировой войны</i>	146
<i>III. 3. «В жертву Интернационалу»: «Россия-Матушка» в дискурсе Октябрьской революции и Гражданской войны</i>	166
<i>III. 4. «Родина-Мать зовет!»: национализм и гендер в дискурсе Великой Отечественной войны</i>	183
<i>III. 5. «Быть верным сыном такого народа Итакой партии»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе Холодной войны</i>	202
<i>III. 6. «Убей же в себе ‘бабу’»: «Россия-Матушка» в постсоветском дискурсе</i>	216
Заключение	243
Приложение	249
Abstract in English	271

Предисловие

The Eternal Return

Polyvalent Maternal Discourse and National Identity

Helena Goscilo

The heart of a mother is a deep abyss at the bottom of which you will always find forgiveness.

Honoré de Balzac

Feminism, Gender, and Russia

With the revival and vigorous growth of feminist consciousness in the West during the late 1960s, the unremitting efforts of politically *engagé* academics to theorize womanhood, contest formerly unassailable ‘patriarchal’ assumptions and institutions, and recuperate a large corpus of women’s literature gradually resulted—somewhat paradoxically, if predictably—in the institutionalization of gender/women’s studies itself.¹ For better and worse, that development eventually reconfigured the entire framework of academic and, to a lesser degree, public cultural debate. By the 1980s such concepts as sexual politics, the socio-political construction of gender, phallogentric colonialization, and the self-empowerment of the male gaze informed critical/theoretical discourse no longer as novelties, but as common places. In fact, their entrenchment warranted the refinement and revision that they subsequently underwent.² Consequently, educated readers versed in feminist issues, regard-

---

¹ In 1990 a British male scholar waspishly referred to women’s studies as a “politico-commercial enterprise on a serious scale” driven by authors with “a niche to consolidate.” Liam Hudson, “The Same But Different,” *Times Literary Supplement* (1-9 June 1990), 588.

² Symptomatic of this trend was the awareness of a proliferation of feminisms (the title of an anthology of feminist essays, edited by Robyn R. Warhol and Diane Price Herndt in 1991), which found expression in the meta-critical sections of many feminist articles, in summaries of the movement’s watershed publications and major

less of their stance on questions deemed salient to the gender enterprise, experienced the shock of time warp when confronted with late-Soviet discussions of gender-related phenomena. As if catapulted back several decades, they had to adjust to what appeared a willed anachronistic shift in perspective.

The twenty-two years since perestroika, however, have witnessed changes of varying magnitude and significance, largely springing from Russia's extensive contacts with the West: the establishment of gender centers in Moscow (1990) and St. Petersburg (October 1992); the tentative, intermittent incorporation of courses in gender analysis into university curricula; the appearance of Russian websites carrying information about activities and publications addressing gender; awards for the best scholarship in gender studies (for instance, the prize for the best article in Russian, administered through the European Humanities University International Center for Gender Studies, under the leadership of Elena Gapova);³ the debut of several journals and a steady trickle of international as well as national and local conferences in Russia devoted exclusively to gender.⁴ Such innovations seem cause for jubi-

---

points of contention, such volumes as Janet Todd's *Feminist Literary History* (New York: Routledge, 1988), and correctives to Laura Mulvey's original article on the male gaze in film by various critics and Mulvey herself. For a list of such publications, see Helena Goscilo, "Introduction," *Skirted Issues: The Discreteness and Indiscretions of Russian Women's Prose [Russian Studies in Literature]* (Spring 1992): 14-15, ft. 2. Critics of early feminism and women's studies faulted them for not taking age, race, and class into account.

³ "Gendernye shtudii." For a survey of the strides made in gender studies within educational institutions in Central and Eastern Europe from the 1980s to the present day, see Susan Zimmermann, "The Institutionalization of Women and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration," available at <http://www.duke.edu/womstud/TranslationGS.doc>, accessed 1 May 2007. The internal discord and reconfiguration of the unusually energetic Department of Gender Studies at Central European University in Budapest (see <http://www.iiav.nl/eazines/web/IFRWH/1998-2002/historians/newsletter%2031%20hungary.htm>) and the closure of the Center of Gender Studies in Minsk in 2004, followed by its transfer to Vilnius, eloquently attest to the vulnerability of these institutions. As Zimmerman, a faculty member specializing in gender studies at Central European University, justly notes, the viability of various gender initiatives, many of them fully or partially underwritten by Western resources, depends significantly on the given country's commitment to westernization (32-33).

⁴ An indefatigable organizer of such events in Moscow is the journalist Nadezhda Azhgikhina, who regularly includes panels on gender at journalists' conferences and, in her capacity as Secretary of the Russian Union of Journalists, repeatedly invites writers and critics who address gender in their work to give presentations on

lation, at least among liberals and radicals. Yet the overwhelming majority of Russian academics remain skeptical about the intellectual validity of gender studies, many equating gender exclusively with womanhood,⁵ while Russians ignorant of the scholarly and political agendas and achievements of Western feminism automatically dismiss it as mere political correctness, the “perverse” sanctuary of lesbians, and the last resort of bitter “ugly women.” Agencies and websites advertising Russian brides typically contrast them to their “aggressive” Western counterparts, promoting the Russian woman’s fabled non-assertive, conciliatory “nature,” readiness to please “her man,” cooking and nurturing skills, and immunity to the dangerous “infection” of feminism. Indeed, the mainstreaming of soft pornography in glossy magazines and newspapers, and the obsession with young female bodies in contemporary Russian life⁶ index the society’s preference for the traditional, asymmetrical polarization of essentialized gender identities.

Life as Discursive Strategy

There is nothing either good or bad, but thinking makes it so.
Shakespeare, *Hamlet*

In this context, the work of Oleg Riabov constitutes a remarkable anomaly. A professor of philosophy at the State University of Ivanovo (historically characterized as a “woman’s town”), Riabov occupies a unique niche in Russian academia as the *male* author of three impressive monographs on gender in Russian culture—*Zhenshchina i zhenstvennost’ v filosofii Serebriannogo veka* (Ivanovo: Ivanovo State University, 1997), *Russkaia filosofia*

---

the Union’s premises in the city center, e.g., Anna-Nataliia Malakhovskaia and Svetlana Aleksievich.

⁵ During the 1970s and 1980s, gender studies in the West tended to be collapsed into women’s studies, owing chiefly to feminist politics and the archeological imperative—namely, “unearthing” the works and biographies of women marginalized or ignored by history. Scholarship on masculinities gained momentum only in the 1990s, often imbricated in questions raised by gay and queer studies. Perhaps this multi-stage development in the West could account, if only in part, for the automatic assumption in Russia that gender, not unlike menstruation, is an exclusively female (and lamentable) “extra” or given. Men do not “need” gender, for they are *an Sich*—humanity.

⁶ The fixation on nubile flesh, of course, also flourishes in the West, and perhaps above all in Hollywood.

zhenstvennosti (XI-XX veka) (Ivanovo: “Iunona,” 1999) and “*Matushka-Rus*” (Moscow: Lodomir, 2001)—as well as related articles in both Russian and English. All of Riabov’s scholarship, conducted in a rigorously historical and deconstructionist mode, benefits from his thorough knowledge of Russian literature and culture; his command of Western theory, critical thought, and philosophy; his grasp on the full range of texts in feminism and gender theory; and his ability to buttress arguments and claims with copious documentation, both verbal and visual.

The title of his current volume, “*Rossii-Matushka*”: *Natsionalizm, gender i voina v Rossii XX veka*, which takes up where “*Matushka-Rus*” left off, transparently condenses the major argument that has consistently driven his scholarship over the years, whatever its shifting emphases: namely, that the discourses of gender, nationalism, and war invariably operate in a symbiotic relationship, shaping and reinforcing one another. The primary sources he adduces to illustrate that thesis are formidable, spanning multiple cultural categories, from sundry literary genres and philosophy to songs, graphics, and film—not only Russian, but also European and American. In that sense the book’s title does not do full justice to Riabov’s purview, which in its comparative sections vividly demonstrates both the universal and the nation-specific tendencies in the triadic discursive strategies he analyzes.

In his three logically sequenced chapters of unequal length, Riabov observes hallowed philosophical traditions by starting with definitions of his key terms and the concepts underpinning them—gender, nationalism, identity, and discourse—so as to clarify his methodology. Discursive practices, he maintains, construct not only gender, nationalism, and identity, but also “truths” in a hierarchical system that techniques of naturalization attempt to present as inherent or unimpeachable. Tracing the etiology and permutations of *Rossii Matushka*/Mother Russia, Riabov contends that typically the symbolism of this primordial feminine image acquires maximal emotional power during times of war; that its rhetorical invocation capacitates the legitimation of the political system and rouses nationalistic passions; and that its affect helps to naturalize the value-steeped dualistic classification of “*Svoi/Chuzhie*” (“Us or Our Own/Them or Theirs”) in international relations. Since binarisms are the *bête noire* of any deconstructionist project (and according to Iurii Lot-

man's classic article, a cornerstone of early Russian culture),⁷ Riabov dismantles them with the aid of copious Western theorists, from the sociologist Pierre Bourdieu, with his emphasis on the role of practice, embodiment, and exercise of power in social dynamics, to the literary theorist Edward Said—specifically, his critique of the paradigms undergirding *Orientalism* (1978), the concept and title of his most famous book, which, though controversial, exerted an incalculable impact on post-colonial studies.⁸

Arguing for a referential, context-dependent, and heterogeneous understanding of gender, and particularly its implication in power relations, Riabov defines masculinity as a field of competing discourses, and contends that gendered discourse serves as a marker enabling the process of inclusion and exclusion (*Svoi/Chuzhie*) in the formation of collective identity. That gender-based differentiation establishes social and political boundaries, creating an invariably feminized alterity essential to the consolidation of a national identity that, ultimately, necessitates the presence of an Enemy.

Riabov's extended commentary on the rhetoric of nation and nationalism links both with familial and religious discourse—the former conveniently grounded in the Russian language itself (*rod* [gender; family; origin], *rodstvo* [kinship; relatives], *rodina* [homeland, motherland— frequently linked with *mat'*]).⁹ Russian rulers' clever exploitation of familial discourse, which generated the labels of father tsar (*tsar'-batiushka*) during the imperial period and, later, Stalin as the Father of All Peoples, created the illusion of the entire population as one large, happy family (Stalin's *bol'shaia sem'ia*) thriving under the wise leadership of the infallible Patriarch. If the family trope denotes unifying bonds and continuity, then religion provides an excellent analogy with na-

---

⁷ Ju. M. Lotman and B.A. Uspenskii, "The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Up to the End of the Eighteenth Century)," in Ju. M. Lotman and B. A. Uspenskii, *The Semiotics of Russian Culture*, ed. Ann Shukman (Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions, 1984, No. 11): 3-35. The Russian original first appeared in *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*, XXVIII (Tartu, 1977).

⁸ Though lambasted by Orientalists such as Bernard Lewis and Albert Houran, *Orientalism* served as a major inspiration and orientation point for countless studies of East/West relations, and Western perceptions of and attitudes toward the East.

⁹ See also Valentina Zaitseva, "National, Cultural, and Gender Identity in the Russian Language," *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*, eds. Helena Goscilo and Andrea Lanoux (DeKalb: Northern Illinois UP, 2006): 30-54.

tionalism, inasmuch as the two share the promise of immortality and an orientation toward the past and future.

The discourse of nationalism, Riabov contends, values traits that modernity correlates with masculinity: autonomy, rationalism, aggressiveness, and decisiveness—including the readiness to shed blood. Elsewhere he adds the qualities of will, self-control, progress, and power—certainly attributes that the majority of Western cultures identify with masculinity, whose representatives are joined in a male brotherhood (*bratstvo*) along the horizontal axis. As the prime category in the binary of posited gender identity, this plexus of characteristics predicates femininity as the antithesis: passivity, purity, modesty, faithfulness, emotionalism, domesticity, etc. Adherence to these supposedly feminine features constitutes women's 'national duty' and ensures the purity of the nation. And the logic of national supremacy requires that other nations never match one's own in preserving the sanctity of these complementary gendered identities and functions. In fact, discursive images of Others traditionally impugn the latter's masculinity, or during wartime evoke evolutionary regression by constructing the Enemy as "primitives" and sexual predators, violating the sanctity of the beloved homeland, troped as chaste womanhood.¹⁰ Indeed, posters from the two World Wars frequently depict the atavistic Enemy readying to rape the woman/nation, thereby threatening Our fighting man's efficacy as defender and protector.¹¹ To offer their blessings to men departing for war and thereby legitimate the 'cause' is only one among multiple roles Our women (by contrast to Others') play in the rhetoric of war; they also appear as suffering victims, faithful spouses and comrades, incarnations of compassion and cozy domesticity, and the long-awaited "norm" that rewards repatriated soldiers. In short, the discourse of war consolidates already

---

¹⁰ For women's tropological function in the collective narratives of nationhood, see Helena Goscilo, "Negotiating Gendered Rhetoric: Between Scylla and Charybdis," *Representing Gender in Cultures*, eds. Elżbieta H. Oleksy and Joanna Rydzewska (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004): 19-39. A wide-ranging, excellently researched examination of the topic is Marina Warner's *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form* (New York: Vintage, 1996).

¹¹ Viktor Deni's *Ubei fashista-izuvera* (1942) represents a compelling instance of such an image. For a large selection of female iconography in World War II posters, see *Plakaty woyny i pobedy 1941-1945*, eds. P.A. Snopkov, A.E. Snopkov, and A.F. Shkliaruk (Moskva: "Kontakt-Kul'tura", 2005).

existent gender distinctions, hyperbolizing them to boost morale through an affirmation of familiar values and legacies.

East and West, with Home as Best

The lucrative business of mystery.
Edmund Burke, *A Vindication of Natural Society*

With his terminology, theoretical framework, and major ideas elucidated in his introductory chapter, Riabov turns to a specific manifestation of gendering the Other: namely, Western culture's reliance on Mother Russia as a symbol of Russianness in the context of post-colonialism. He locates this self-aggrandizing phenomenon within the larger dualistic schema mapped out in Stuart Hall's influential "The West and the Rest: Discourse and Power" (1996),¹² which famously claims that within Western representations of the East, "the very language we use to describe the so-called facts interferes in [... the] process of finally deciding what is true and what is false" (203). Hall's thesis that the ability of any discourse to reproduce political values and to position one advantageously vis-à-vis any other entity extends Said's critique of Western discursive practices regarding the East, which arrogate primacy to the West, endowing it with the purportedly characteristic features of masculinity—rationalism, strength, individualism, (self-)control, etc. This dichotomous constellation conveniently envisions Russia (the East/"the rest") as feminine, hence a stronghold of irrationalism, archaism, mystery, unpredictability, 'softness,' passivity, and eroticism—all neatly encapsulated in the West's concept of "the Russian soul."

Throughout the volume, Riabov scrupulously documents the intersection of this subordinating move by the West with the image of Russia produced by its own poets, prosaists, and philosophers who feminized Russia either explicitly or indirectly through gender-specific traits. Calling this process "auto-feminization," Riabov perceptively notes the commonalities between "Russophobia" (the West's imposed image) and "Russophilia" (Russia's self-conception). While Orthodox (and unorthodox) religious beliefs inclined

---

¹² Published in Stuart Hall, D. Held, et al., eds. *Modernity: An Introduction to Modern Societies* (Malden, MA: Blackwell, 1996).

prominent Russian proponents of messianism to frame national identity in a trans-rational, mystic, and often hermetic belief in the nation's unique destiny within world culture, from an Enlightenment-based Western viewpoint, the structure and tone in which that belief expressed itself align it with the irrationalism and passivity of "the rest." Fedor Tiutchev's poem "Umom Rossiine poniat'," the Symbolists' cult of Sophia as Eternal Wisdom, and Soviet Village Prose writers' personification of traditional Russia as the maternal body (e.g., Valentin Rasputin's "Proshchanie s Materoi")¹³ lend themselves to a reading that collapses Russia into the unfathomable "dark continent" of specifically female sexuality as posited by Sigmund Freud. Winston Churchill's over-quoted summation of Russia during World War II as "a riddle wrapped in a mystery inside an enigma" merely culminated the West's centuries-long representation of Russia as an 'exotic' realm of semi-Asiatic barbarians on the outskirts of modern Europe—the periphery, as Riabov observes, in terms of the West as Center.

Though here Riabov draws chiefly on philosophy and sundry writings, perhaps no other genre in contemporary culture validates his argument more forcefully and consistently than cinema from the 1920s to the present day. Memorable examples of a feminized Russia range from adaptations of Lev Tolstoi's *Anna Karenina* (1877) to recent Hollywood blockbusters, which dwell on Russians' immoderate impulsiveness, extravagant appetites, and propensity for extremes. Though Tolstoi's novel hardly depicts Russians' collective capacity for orgiastic celebrations and untrammelled excess, both Edmund Goulding's silent adaptation, *Love* (1927), and Clarence Brown's *Anna Karenina* (1935) establish "Russianness" by arbitrarily adding scenes of a wild snowstorm, balalaika-strumming gypsies colluding in sexual license, and drunken officers in the imperial army crawling under a table as part of a competitive game after they consume a veritable mountain of caviar. Anatole Litvak's *Journey* (1959), released at a time when friction between the two superpowers had eased, has an enamored Soviet major (Yul Brynner) during

---

¹³ Aleksandr Solzhenitsyn's "Matrenin dvor" likewise collapses sacrosanct national values such as self-abnegation and proclivity to self-sacrifice into femininity. The film director Andrei Tarkovskii similarly viewed "subordination and self-denial out of love" as the quintessence of womanhood (quoted in Nikolai Boldyrev, *zhertvopri-noshenie Andreia Tarkovskogo* [Moscow: Vagrius, 2004] 58-59).

the Hungarian Revolt launch into a dashing Russian dance and crunch between his teeth the glass that he has just emptied of vodka. Kindred screen images persist during perestroika and even after the official end of the Cold War: the American protagonist in Walter Hill's comedy *Red Heat* (1988) patronizingly advises his Soviet counterpart, "You [Russians] should stick to the things you're good at. You know, knee-dancing and training those cute little bears for the circus"; Wolfgang Peterson's *Air Force One* (1997) pointedly contrasts the level-headed competence of American government personnel to the fanaticism of Russian terrorists who hijack the American president's plane, threatening to kill a hostage every half-hour until an imprisoned tyrant is released; and Michael Bay's *Armageddon* (1998) spotlights Americans' patriotism, discipline, and stoicism as they save the world from extinction, while the Russian ally (who oversees a space station) is an unkempt, volatile astronaut who solves technical problems in space "the Russian way," as he phrases it—by pounding on invaluable spaceship equipment with a metal bar.

Such mainstream cinematic offerings imply that the West—the self-proclaimed citadel of logical, powerful masculinity—needs to control volatile, ineffectual Russia, thereby justifying America's paternalistic interference in Russia's 'chaotic' internal affairs. Roger Spottiswoode elevates that allegedly benign supervision to unprecedented heights in *Spinning Boris* (2003), which not only unfolds an absurdly incompetent Russia in comprehensive disarray but also credits American consultants and their marketing technologies with the outcome of Russia's 1996 presidential election. As the enlightened authority, the West teaches 'savages' the 'correct' way to conduct political campaigns.

Building Nation and Consolidating Gender Difference through War

My argument is that War makes rattling good history;
but Peace is poor reading.

Thomas Hardy, "The Dynasts"

Riabov's last and longest chapter focuses on major phases in the twentieth century's resort—particularly though not solely during wartime—to the gendered national discourse that feminizes Russia in a spirit of dismissal or relegation to inferior status. The many passages tracing autofeminization by philosophers and poets during the Silver Age who repeatedly contrasted Russia's "femininity" (*zhenstvennost'*) to Western masculinity lay the groundwork for the chapter's analysis of discursive strategies during the 1905 and 1917 Revolutions, as well as the two World Wars and the Cold War (1946-91). If the anarchic, elemental nature of revolution automatically equated it with femininity for such Silver Age philosophers as Vasilii Rozanov and Nikolai Berdiaev, the rhetoric of World War I transformed the framework of gendered national identity into a normative issue. Propaganda in Russian posters, literature, and films touted the strength and moral superiority of Russia's self-proclaimed femininity to the *deviant*, hypertrophied masculinity of the German aggressors, which instanced pathology and augured ineluctable defeat. Positing a continuity between contemporary Russian soldiers and the mythological Russian epic heroes of old (*bogatyri*) who defended the empire's borders and Christianity from enemy invasions out of love for Mother Russia, Russian iconography of World War I ascribed exclusively destructive and materialistic motivations to the German army.¹⁴ At the same time, Poland (with the Time of Troubles and subsequent violent conflicts such as the Polish-Soviet war of 1920-21 forgotten) became one of Ours—admittedly of a secondary category, but still part of a Slavic whole that the renegade Bulgarians betrayed, at their own peril.

---

¹⁴ On the calculated reprisal of the medieval image as canonized by Vasnetsov in the late nineteenth century and during the last few years, see Helena Goscilo, "Viktor Vasnetsov's Bogatyrs: Mythic Heroes and Sacrosanct Borders Go to Market." *Picturing Russia: Essays on Visual Culture*. Eds. Valerie A. Kivelson and Joan Neuberger. New Haven: Yale UP, 2007.

Both obliterating and resuscitating history, Russian World War II publications and especially visuals appealed to the populace's selective memory through the precedents of historical personages and victories, highlighting male heroes renowned for their glorious defeats of sundry antagonists/Others. Not only posters carrying their inspirational images, but also films exalting the exemplary exploits of Peter the Great, Aleksandr Nevskii, Aleksandr Suvorov, Minin and Pozharskii, and Boris Khmel'nitskii hyperbolized their achievements as saviors and representatives of an unconquerable Russian nation.¹⁵ The discourse of these harrowing years modified gendered associations. It continued to sanctify Russia as the primordial Mother, but now cast her patriotic defenders as intrepid *sons*, while subjecting external and internal Others to a denigrating feminization.¹⁶

"Za Rodinu, za Stalina!", the rallying call that attained the status of a mantra throughout the war, tapped the mythological traditions of hierogamy,¹⁷ bolstered by the religious connotations of the rhetoric of salvation. The safety and purity of Mother Russia, threatened with symbolic and literal violation by the Enemy—caricatured as animals, lowly insects, and rapists—was at stake, as was the nation's future, imaged by graphic artists as a child held in its mother's arms. Maternity's physical and figural primacy may be deduced from the 1936 law prohibiting abortions and the famous recruitment poster by Iraklii Toidze, *Rodina-mat' zovet!* (1941), as well as posters depicting mothers' pleas, blessings, and gratitude to their brave, responsive 'sons.' In their rhetorical devices, graphics observed gender distinctions, favoring synecdoche for male images and symbolism for their female counterparts: posters frequently project a single soldier, courageous, determined, and tireless, as a representative of the entire Soviet/Russian army whose sole, overriding task is to conquer the Enemy. Women, however, fulfill multiple symbolic roles: the

---

¹⁵ See Vladimir Petrov's two-part *Petr Pervyi* (1937, 1938), based on Aleksei Tolstoi's novel with the same title (1929), Sergei Eizenshtein's *Aleksandr Nevskii* (1938), Vsevolod Pudovkin's *Minin i Pozharskii* (1939) and *Aleksandr Suvorov* (1940), and Igor' Savchenko's *Bogdan Khmel'nitskii* (1941).

¹⁶ For a caricature of Hitler as a "baba" (old/peasant woman) draped in a traditional woman's headscarf, see the illustration accompanying Zaitseva's article in *Gender and National Identity*, op.cit. 35.

¹⁷ On hierogamy, whereby the Sky-God "marries" Mother Earth so as to generate cosmic creativity, see Mircea Eliade, *The Sacred and the Profane* (New York: Harcourt, Brace, & World, 1959): 144-47.

nation, the land, vulnerable victimhood, the home, and the guarantee of continuity, of future generations.¹⁸ And, as Riabov points out, in a sense, women are the reward for male valor and victory. Subsuming all these immemorial aspects of femininity, Rodina-mat' proved a highly effective recruitment tool, mobilizing and uniting the multi-ethnic Soviet population in its sustained patriotic ("Mother-loving") struggle to repel the Enemy.

The militaristic masculine ideal of inflexibility, stamina, and daring epitomized by the Wise Leader as Man of Steel during Stalinism privileged the male professions of pilots, Stakhanovite miners and metro-builders, leaving women to breed and run the household. Stalin's death (1953) and the ensuing Thaw 'softened' that gender-polarized system of values, sidelining gender distinctions as it rehabilitated sincerity and restored the legitimacy of emotions. Nikolai Ostrovskii's officially promoted *Kak zakalialas' stal'* (1932-34), which extols a heroic Spartan ethic that acknowledges nothing beyond revolutionary dedication, yielded to Boris Pasternak's *Doktor Zhivago* (pd. 1957), whose lyrical poet-hero disavows combat and military zeal while embracing Jesus Christ and Hamlet as archetypes of self-sacrifice.¹⁹ Films by Grigorii Kozintsev featuring Don Quixote and Hamlet,²⁰ orphaned children bonding with traumatized but tender surrogate fathers in Marlen Khutsiev's *Dva Fedora* (1958) and Sergei Bondarchuk's *Sud'ba cheloveka* (1959), Mikhail Kalatozov's sympathetic portrayal of a woman who, contrary to the imperative of Konstantin Simonov's celebrated wartime poem, "Zhdi menia!", does not 'wait for her man fighting at the front,' yet finds redemption (*Letiat zhuravli* 1957) revalidated compassion, imagination, personal relationships, and a "gentler, kinder" approach to life.²¹ That these ostensibly feminine quali-

---

¹⁸ For an analysis of how the entrenched cultural tradition of gendered allegory, "whereby women invariably *represent* instead of being *represented* in a context established by, and showcasing, masculinist priorities" erases empirical individuals through trope, thereby facilitating women's exclusion as agents in the social and political spheres, see Goscilo, "Negotiating Gendered Rhetoric: Between Scylla and Charybdis," op. cit., especially 24-36.

¹⁹ Iurii Zhivago's passivity, which troubled many critics, allies him with femininity and the early Russian saints Boris and Gleb.

²⁰ *Don Kikhot* (1957) and *Gamlet* (1964).

²¹ On the new values of the Thaw, see Alexander Prokhorov, *Unasledovannyi diskurs: Paradigmy stalinskoi kul'tury v literature i kinematografe otteperi*. Seria "Sovremennaia zapadnaia rusistika" (Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2007). For a survey of Thaw film, see Josephine Woll, *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw* (London and New York: I. B. Tauris, 2000).

ties, anathematized by the previous era, surfaced and enjoyed approbation during the Thaw clearly signaled the increased tolerance of an ethos not exclusively defined by aggressive masculinity.²²

Whatever the vagaries of internal gender discourse, throughout the Cold War, Riabov maintains, the image of the capitalist West (the Other), and especially America, constantly played a key role in Soviet identity (Us), and vice versa. While Soviet propaganda represented its major Other as simultaneously reactionary and imperialistic, exploitative, racist, and materialistic, the U.S. countered with charges of abusive repressiveness, persistent violation of human rights, and insatiable hunger for world power. Gender discourse on both sides invoked, once again, behavioral norms. Whereas American rhetoric emphasized Russians' asexuality, Soviets decried the depravity of American life, personified as the whore of Babylon and antithetical to the wholesomeness of Soviet society. Sexual profligacy, spy seducers, loveless marriages contracted for monetary gain, and insufficiently masculine men predominated in portrayals of Americans in Soviet films, such as Grigorii Aleksandrov's *Vstrecha na El'be* (1949) and *Tsirk* (1936). Not only cinema but also caricatures and other genres showcased the superiority of Soviet masculinity, manifested in such diverse spheres as physique, sports, space exploration, military power, friendship/camaraderie, and treatment of women.

Perestroika destabilized such binaries to an extent, even as it intensified the gendering of political and cultural discourse wielded by both superpowers. Sex and sexual discourse infiltrated virtually all cultural, social, and political categories, and, once post-Soviet Russia officially opted for a market economy, sexual(ized) images virtually ruled visual genres, from advertisements to art, film, and illustrations of books and journals. Beauty contests and pornography made their debut, and authors who cautiously had adhered to Victorian standards of propriety suddenly began writing frankly about the body and its myriad intimate activities. Popular music explored the possibilities of sexual innuendo (Liube) and obscenities (Leningrad), and even produced a *faux*-lesbian duo, Tatu. Politicians, and above all Vladimir Zhiri-

---

²² Kalatozov's compassionate focus on the unfaithful and tormented Veronika in *Letiat zhuravli* could hardly differ more in topic and tone from his eloquently titled films under Stalin: *Muzhestvo* (1939), *Nepobedimye* (1942), and *Valerii Chkalov* (1941), the daredevil pilot championed by Stalin who in 1937 set a world record by flying nonstop from Moscow to Vancouver, Canada.

novskii, the spotlight-seeking head of the misleadingly named Liberal Democratic Party, sexualized political discourse, memorably referring to former Soviet leaders as onanists and impotents and penning *Azbuka seksa* (1999), which, *inter alia*, proposed launching licensed prostitutes into space to alleviate Russian cosmonauts' stress. In this comprehensive sexualization, women's bodies became marketable commodities, quickly co-opted and packaged by sex-traffickers and websites peddling compliant, nurturing young Russian women in marriage to (usually older) Western buyers seeking relief from feminists and proponents of gender parity. In short, *Svoi* welcomed the importation of *Chuzhie* values and cultural practices with arms outstretched.

While perestroika and the early phase of post-Soviet reforms gave Western masculinity a boost, they manifestly emasculated Russian men. Unease at the abrupt and categorical abnegation of formerly sacrosanct priorities and allegiances eventually expressed itself in the pervasive image of Russia as a whore, succumbing to the lure of Western lucre and unable to depend on the hapless brotherhood of Russian males for salvation or sustenance. Petr Todorovskii's ideologically freighted *Interdevochka* (1990), based on Vladimir Kunin's novella by the same title (1989), was only the first Russian film in a series to warn that betrayal of the Mother/land inexorably leads to its loss and a punitive, violent death.²³ While many segments of Russian society hailed the sudden extensive interaction with the former Enemy, others viewed the rapprochement as a castrating ideological defeat. Rampant inflation, a steep decline in industrial production, capital flight, several financial crashes and scams, the government's default on its debts (1998), and Boris Yeltsin's widely reported erratic behavior led to further deterioration in Russia's relations with the U.S. The latter appeared little more than a predator, the former—a vulnerable victim of misplaced trust. In gendered terms, Russia's role paralleled that of the innocent woman, "seduced and abandoned."

During the tumultuous 1990s the fundamental revolution in professions within a society undergoing ever-expanding change and adjustment necessitated an accelerated reconceptualization of successful masculinity, one,

---

²³ For elaborations on this theme, see Villen Novak's *Dikaia liubov'* (1993), Dmitrii As-trakhan's *Ty y menia odna* (1993), and Karen Shakhnazarov's *Amerikanskaia doch'* (1995). In all, the choice of a love partner tropes the decision whether "to remain true" to one's Motherland or bind one's fate to a foreigner and abandon Mother Russia.

moreover, based on Western models and their hierarchies.²⁴ In the reshuffled social and economic status of viable professions, specialists in business and law proved in high demand and commanded high salaries and considerable power. Oligarchs such as Boris Berezovsky corroborated the long-standing Western truism that money carries political influence and emanates an aura of masculine potency. Though a minuscule minority of Russian men, subsequently labeled oligarchs, accumulated staggering fortunes during the 1990s, direct or mediated dependence on models borrowed from the ‘triumphant’ capitalist West, which had bested its socialist Eastern counterpart, damaged Russia’s self-esteem. The abortive war in Chechnya (1994-96), as Riabov points out, reinforced the widespread impression of the nation’s impotence. As so-called market experts dispensed ‘sage advice’ to Russians endeavoring to learn business practices, articles in glossy magazines, drawing on Western sources, attempted to initiate Russian males into the secrets of appropriate conduct by “real men” and “gentlemen.”²⁵ On the one hand, this reduction of Russian males to America’s pupils promoted a feminized national identity. Yet, on the other hand, the business ethic adopted by Russian businessmen²⁶ and the efficient, cold-blooded elimination of critics and competitors, combined with the lucrative objectification of women’s bodies, accorded with paradigms of Western masculinity. The brutal drive to succeed at any cost and the criminalization of the political and business spheres, tirelessly discussed by the media, doubtless account for Riabov’s statement, “v tselom postkommunisticheskii diskurs mozhno rassmatrivat’ kak otritsanie femininykh tsennostei (ili, tochnee, tekhn, kotorye markirovalis’ kak ne-muzhskie).” I

²⁴ Among the welter of monographs on the 1990s in Russia, perhaps the most bracingly clear-sighted and informed is Alena Ledeneva, *How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business* (Ithaca: Cornell UP, 2006).

²⁵ During the 1990s, glossy magazines functioned as “how to” manuals or intensive courses in the acquisition of style and behavioral credentials suited to men’s new positions as bankers, businessmen, accountants, independent consultants, and so forth. On the pedagogical nature of these publications, see Helena Goscilo, “Style and S(t)imulation: Popular Magazines, or The Aestheticization of Postsoviet Russia,” *Russian Culture of the 1990s*. Special issue of *Studies in 20th Century Literature* 24: 1 (Winter 2000): 15-50.

²⁶ On the role of the New Russians as a decisive force in Russia’s transformation, see the cluster of articles, “The New Russians,” ed. Helena Goscilo, *The Russian Review* 62/1 (January 2003): 1-90, especially Alexei Yurchak, “Russian Neoliberal: The Entrepreneurial Ethic and the Spirit of ‘True Careerism’”: 72-90.

would argue that the decade of the 90s constituted a struggle to forge a new, empowered masculinity and its appropriate discourse.

If the early 1990s witnessed Russia's self-flagellation and ambivalent reliance on American financial aid and training, as the decade drew to a close, disillusionment with the intentions and efficacy of the Western 'ally' gradually soured Russians' view of the U.S. Like a betrayed lover, Russia found comfort in a discourse of proud rejection. The Russian émigré writer Petr Vail' neatly encapsulated the shifts in Russia's attitude to the Enemy as a movement "ot kazennogo lozunga 'My luchshe vsexh' sovetskoi epokhi k uni-chizhitel'nomu 'My khuzhe vsexh' vremen perestroiki i vrozhdeniiu tezisa 'I vse-taki my luchshe vsexh' postperestroichnogo perioda, osobenno s poiavleniem svoikh effektnykh bogachei."²⁷ Amidst the financial and political turmoil of the 1990s, a discourse of self-affirmation increasingly contrasted an affluent but superficial, pragmatic West and a spiritually profound, cultured Russia. That refurbished binary of *Chuzhie/Svoi* found its most jingoistic expression in Nikita Mikhalkov's *Sibirskii tsiuriul'nik* (1998), which, tellingly, had its media-hyped premiere in the Kremlin. In many ways Mikhalkov's expensive fantasy of a noble (indeed, ideal) imperial Russia capable of imposing its mark on a crass America prepared the way for the new millennium, with its nostalgia for empire under Vladimir Putin.

Putin's presidency introduced not only relative stability but also a concerted national remasculinization that Riabov perceptively analogizes with the Reagan years in America as analyzed in Susan Jeffords' incisive *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era*.²⁸ Frosty-eyed, self-controlled, and laconic, Putin has generated an entire cultural industry of Putiniana—biographies, portraits, songs, watches, calendar and T-shirts with his image, fan clubs, labels of products ranging from a tomato to a café, nationalist organizations, and articles verging on hagiography that spotlight his prowess as a sportsman, his steadfastness and reliability, and his determination to recapture Russia's former glory. Touted as an exemplar of masculinity, just a few months after assuming the country's leadership (2000), on International

---

²⁷ Petr Vail', "Postsovetskoe iskusstvo v poiskakh novoi ideologii," *Iskusstvo kino* 2 (1996), 159. [Symposium organized by Daniil Dondurei]

²⁸ Susan Jeffords, *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era* (New Brunswick, NJ: Rutgers UP, 2000).

Women's Day (8 March) Putin reaffirmed sacrosanct hierogamous traditions by lending his imprimatur to the nation's feminine-maternal image, astutely linking "Rodina, vera, mat'." True to his customary rhetorical strategies, Putin honors the present by intimating its continuity with an instantly identifiable and emotionally freighted past.

Dismissing feminism and postmodernism as symptoms of the West's emasculation and enervation, contemporary Russian discourse claims a true and tested masculinity. Yet various studies cited by Riabov indicate that a segment of the population continues to attribute compassion and emotionalism to Russia, and individualism, rationality, and independence to the West, while simultaneously viewing Russia as more "manly." Some view the symbol of Mother Russia as outworn, archaic, and retrograde or incapable of encouraging responsible behavior and a critical relationship to official power. Though the image and discourse of Mother Russia may be contested from various competing perspectives, the majority of Russians insist that everyone has only one biological mother and one Motherland—Rodina-mat'. And the extraordinary approval rating enjoyed by Putin testifies to the nation's perception of him as 'Her [sic] champion and protector.'

To convey the intellectual richness of Riabov's monograph requires more extensive comments than the generic conventions of an introduction permit. Erudite, admirably balanced and lucid, devoid of both partisanship and essentialism, and teeming with *aperçus*, Riabov's examination of Mother Russia in the gendered discourse of nation casts light on multiple aspects of Russia's cultural history spanning more than a century. Though deceptively modest in length, "*Rossia-Matushka*" engages a wealth of diverse Russian and Western critics/theorists and addresses a host of issues that no contemporary scholar can afford to ignore. In short, it is a major work.

Мы широки, широки,
как вся наша матушка Россия, мы
всё вместим и со всем уживемся!
*Ф. Достоевский*¹

Введение

«Россия-Матушка» – один из наиболее известных символов русскости в России и за рубежом. Материнский образ России является очевидной иллюстрацией переплетения гендерного и национального дискурсов. Тема России-Матушки неотделима и от военной темы: наиболее востребованным этот символ становится именно во время войн.² По каким причинам и в каких формах осуществляется это взаимовлияние «России-Матушки», с одной стороны, и национального, гендерного и военного дискурсов в России, с другой?

Интерес к данным вопросам представляется тем более актуальным, что «Россия-Матушка» приобрела широкую популярность в массовой культуре, став частью повседневности и превратившись, если пользоваться понятием М. Биллига, в факт «обыкновенного национализма». Этим термином называют романы, публицистические произведения, рок-композиции, сорта водки. «Россия-Матушка» смотрит на нас с плакатов и открыток, монет и почтовых марок; этот образ увековечен в монументах. Он широко используется и в дискурсе современных СМИ при объяснении самых разнообразных событий, будь то рост цен на энергоносители, «цветные революции» на постсоветском пространстве или тенденции мировой моды. «Россия-Матушка» является фактором политического дискурса, включаясь в предвыборные агитационные материалы или выступления политиков. Нередко этот образ становится центральным в историософских концепциях или националистических памфлетах. Нако-

---

¹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. Л., 1991. С. 212.
² Например, образ Родины-Матери сегодня, как показывают социологические исследования, ассоциируется, в первую очередь, с Великой Отечественной войной (Воронцова Е.О., Рябов О.В. Представления ивановцев о Родине и Отечестве // Границы: Альманах Центра национальных и этнических исследований ИвГУ. Вып. 1: Этническая ситуация в Ивановской области. Иваново, 2007 (готовится к изданию)).

нец, «Россия-Матушка» – это факт академического дискурса; показательно, что крупнейшие исследователи теоретических проблем и нации, и гендера используют данный термин.³

Проблема получила различные виды интерпретаций – от метафизических спекуляций до академических штудий. Ею интересовались многие российские авторы (достаточно вспомнить имена Н. Бердяева, Г. Федотова, Г. Гачева). Заметим, что анализ мифа зачастую сопровождался его переконфигурацией, что, в свою очередь, составляет часть дискурса о России-Матушке. Большой интерес этот символ вызывает в западной науке; особое внимание «России-Матушке», ее связи со спецификой гендерного порядка в стране уделяют феминистские исследователи. Важным этапом в изучении проблемы стала монография Дж. Хаббс «Мать Россия. Мифологизация женственности в русской культуре» (1988).⁴ Эта книга вызвала немало споров и в то же время дала значительный импульс анализу проблемы, библиография которой насчитывает сейчас десятки работ специалистов по различным дисциплинам (в том числе по истории, философии, лингвистике, литературоведению, культурологии, искусствоведению и др.).⁵

Вместе с тем многие аспекты проблемы далеки от решения, и к ее новой интерпретации исследователи будут возвращаться еще не раз, что обусловлено потребностью обобщения появляющихся исследований на эту тему, возможностью привлечения оригинальных методологических парадигм, необходимостью учета новых эмпирических данных. Попытку подобного исследования представляет собой и настоящая книга. Ее целью является анализ причин, форм и социальных функций разви-

---

³ Напр.: Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983. P. 172; Yuval-Davis N. *Nationalism, Feminism, and Gender Relations* // G. Eley, R.G. Suny (Eds.) *Becoming National: A Reader*. New York, 1996. P. 128; Smith A.D. *The «Golden Age» and National Renewal* // G. Hosking, G. Schöpflin (Eds.) *Myths and Nationhood*. New York, 1997. P. 46; Connell R.W. *Gender*. Cambridge, 2002. P. 64.

⁴ Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington, 1988.

⁵ Основные положения критики работы Дж. Хаббс систематизированы в книге Эдмондсон Л. *Гендер, миф и нация в Европе: Образ матушки России в европейском контексте* // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып 3. М., 2003. С. 141–143. Обзор публикаций по проблеме см.: Там же. С. 140–142.

тия «России-Матушки» как национального символа на протяжении XX столетия – периода, когда Россия переживала и взлеты, и падения, не раз меняя свое название и свои границы.

Вопросы, на которые я бы хотел получить ответ, сформулирую следующим образом. Каковы причины появления «России-Матушки» в русской культуре? Какую роль этот символ играет в русском национализме? Как он используется в легитимации и делегитимации политической системы в России? Какие функции он выполняет в имперском дискурсе, в репрезентациях русскости и российскости? Какова его роль в военном дискурсе? Как он включается в геополитический и внешнеполитический дискурсы, в конструирование образов Своих и Чужих в международных отношениях? Как можно обозначить влияние этого символа на гендерный порядок в России? В каких формах и под влиянием каких факторов дискурс о России-Матушке изменялся в течение последнего века? Какова его роль в идентичности Запада? Наконец, в какой степени гендерные характеристики национальной идентичности, заключенные в концепте России-Матушки, являются уникальными, присущими только русской культуре, и как он может быть интерпретирован в кросс-культурном контексте?

Определение «оптики» исследования, создание его инструментария через уточнение ключевых понятий (в числе которых «гендер», «национализм», «идентичность», «дискурс»), выявление причин и форм взаимовлияния национального, гендерного и военного дискурсов – это цель Главы I *«Национализм, гендер, война: методология исследования»*. В Главе II *«'Россия-Матушка' сквозь призму постколониальных исследований»* я предлагаю свой вариант объяснения природы и функций «России-Матушки», привлекая для этого методологию постколониальной теории и акцентируя тем самым внимание на роли оппозиции «Запад – Все Остальное» в развитии исследуемого концепта. В Главе III *«'Россия-Матушка' в истории XX века»* рассматриваются этапы, факторы и формы развития данного символа на протяжении последнего столетия.

Книга представляет собой продолжение моих работ «Женщина и женственность в философии Серебряного века», «Русская философия

женственности (XI–XX века)», «‘Матушка-Русь’: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии», в которых была предпринята попытка выявить содержание концептов мужественности и женственности в русской философии, показать влияние дискурса национальной идентичности на образ женского начала в русской культуре, объяснить природу дискуссий вокруг идеи женственности России в русской и западной философии истории.

Работа над этой книгой продолжалась несколько лет, на протяжении которых мои исследования поддерживались грантами и стипендиями Министерства образования Российской Федерации, Американских Советов, Фонда Дж. и К. Макартуров, Программы Корпорации Карнеги, администрируемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER), Программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», Института «Открытое общество»; считаю своей приятной обязанностью выразить признательность данным организациям. Я с благодарностью вспоминаю гостеприимство коллег из университетов Мичигана, Вайоминга, Вашингтона, из Смольного Коллегиума Санкт-Петербургского государственного университета, в которых я проходил стажировки. Книга была бы невозможна без сотрудничества с коллегами из Ивановского государственного университета, Центра этнических и национальных исследований, с моими студентами и аспирантами. Мне бы хотелось персонально поблагодарить тех, чья помощь и поддержка оказались наиболее значимыми в работе над этим исследованием: Ольгу Боронину (Ивановский государственный университет), Льюиса Бэгби (Университет Вайоминга), Хелену Гоцило (Университет Питтсбурга), Биргитту Ингеманнсон (Университет штата Вашингтон), Аллу Кирилину (Московский государственный лингвистический университет), Анджея де Лазари (Лодзинский университет), Марию Литовскую (Уральский государственный университет), Ольгу Михайлову (Уральский государственный университет), Татьяну Рябову (Ивановский государственный университет), Ирину Савкину (Университет Тампере), Елену Трофимову (Московский государственный университет).

I. Национализм, гендер, война: Методология исследования

I. 1. Гендер

Мужчина и женщина – одновременно
пустые и переполненные категории.

*Дж. Скотт*¹

Гендерные исследования развивались стремительно и получили распространение среди представителей самых различных академических дисциплин, поэтому едва ли стоит удивляться многообразию подходов к интерпретации гендера, равно как и отсутствию устоявшегося, «канонического» определения ключевого термина. В качестве рабочих буду пользоваться двумя дефинициями.

Гендер – это организованная вокруг репродуктивной сферы структура социальных отношений, а также обусловливаемый ею набор практик, которые помещают репродуктивные различия между телами в социальные процессы.²

Гендер – это созвездие значений, которые культура приписывает биологическим различиям между полами.³

В парадигме гендерных исследований решающая роль в различиях между мужчинами и женщинами отводится не биологическим (особенности тела) или институциональным (социальные структуры) факторам, но дискурсивным.⁴ Уточняя понимание дискурса, отметим, что данное понятие определяют как относительно ограниченный набор утверждений, которые устанавливают пределы того, что имеет значение, а что значения

---

¹ Скотт Д. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: В 2 ч. Харьков; СПб., 2001. Ч. 2. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С. 430.

² Connell R.W. Gender. P. 10.

³ Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // M. Cooke, A. Woollacott (Eds.) Gendering War Talk. Princeton, 1993. P. 228.

⁴ Hooper C. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York, 2001. P. 20.

не имеет.⁵ Дискурс, следовательно, это не только разрешение думать и рассуждать одним способом, но также и запрет делать это любыми другими способами.⁶ Истина, согласно М. Фуко, создается дискурсивно; «режим истины» устанавливается дискурсом, который тем самым выполняет регулятивную и властную функции.⁷ Дискурсивная практика – это практика производства значений; все социальные практики имеют дискурсивный аспект.⁸ При этом дискурсивный анализ исходит из того, что производство истины одновременно представляет собой производство и воспроизводство Других, которые должны «сделаться невидимыми» для достижения единства, непротиворечивости доктрины. Иными словами, установление нормы-истины идет через определение того, чем она не является, то есть через Другого.⁹

Таким образом, «истина» включена в производство иерархий; дискурс оказывается самым непосредственным образом связанным с проблемой власти, которая, по мысли М. Фуко, осуществляется в том числе через конструкцию дискурсов. Дискурс поэтому – это и то, ради чего сражаются, и то, чем сражаются. Кроме того, дискурс определяет, кто и от имени кого будет говорить и действовать, поэтому его часто характеризуют как систему репрезентаций.¹⁰ В свою очередь, те, кто находится у власти, имеют больше шансов быть услышанными, а их истина – быть принятой.¹¹ В связи с этим необходимо различать доминантные и подчиненные дискурсы,¹² которые вовлечены в постоянную борьбу за достижение права определить собственный взгляд на мир как единственно

---

⁵ Йоргенсен М.В., Филипс Л.Д. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков, 2004. С. 31.

⁶ Cohn C. Op. cit. P. 238; Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // S. Hall, B. Gieben (Eds.) Formations of Modernity. Cambridge, 1992. P. 329.

⁷ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 79. «Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем» (Там же).

⁸ Hall S. The West and the Rest. P. 291.

⁹ Steans J. Gender and International Relations: An Introduction. New Brunswick, 1998. P. 25–26.

¹⁰ Hall S. The West and the Rest. P. 280.

¹¹ Steans J. Op. cit. P. 25.

¹² Tickner J.A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York, 2001. P. 144.

возможный.¹³ Наконец, следует принимать во внимание, что дискурс также производит публику или аудиторию для этих актеров.

Гендерный дискурс представляет собой способ символической организации мира в бинарных оппозициях, стороны которых ассоциируются с мужским или женским полом.¹⁴ Поле гендерного дискурса формируется суждениями об идеалах мужественности и женственности, об отношениях между полами, о положении женщины, о нормах сексуального поведения, о семейных устоях. В таком контексте гендер следует интерпретировать в качестве дискурсивного средства, при помощи которого те или иные различия между мужчинами и женщинами начинают выглядеть как естественные и единственно возможные.¹⁵ Сущность дискурсивного анализа гендера, таким образом, может быть обозначена как проблематизация эссенциалистского понимания пола.

Появление гендерных исследований и самого термина «гендер» позволило внести ряд принципиальных положений в теорию пола, наиболее важные из которых, на мой взгляд, можно определить как *референтность* пола, *контекстуальность* пола, *гетерогенность* пола, *потестарность* пола (его роль в отношениях власти/подчинения).

Гендерная теория постулирует **референтный** характер мужественности и женственности. Рассматривая вопрос об онтологическом статусе пола (является он вещью, свойством или отношением), отметим, что категория «пол» имеет не один план: уместно говорить о его *реалистической*, *атрибутивной* и *реляционной* интерпретациях. Во-первых, словом «пол» обозначают группу людей (то есть *вещь* или совокупность вещей) – потому принято употреблять выражения «сильный пол», «прекрасный пол» и говорить в связи с этим, что, например, «люди делятся на два пола». Во-вторых, пол – это *свойство*, признак. Подобно тому как возраст делит человечество на поколения, а вероисповедание – на конфессии, признак пола делит людей на мужчин и женщин. Характерной особенностью этого признака является то, что им не только обладают, но и *демонстрируют* такое обладание, что было отмечено, скажем, в ра-

---

¹³ Йоргенсен М.В., Филипс Л.Д. Указ. соч. С. 22.

¹⁴ Cohn C. Op. cit. P. 230.

¹⁵ Steans J. Op. cit. P. 14.

боте И. Гофмана, посвященной «гендерному дисплею».¹⁶ Уже такое понимание пола – как обретающего значимость лишь в определенном контексте, в процессе взаимодействия – заставляет обратить внимание на роль *взаимоотношения* полов. Таким образом, в-третьих, гендер может быть проинтерпретирован и как *отношение*, как некий порядок вещей – в отличие от биологического пола. Дихотомизация и различие составляют сущность понятия гендера.¹⁷ Поэтому мужественность и женственность не просто противоположны – они обуславливают друг друга.¹⁸ По оценке Дж. Скотт, гендерный анализ исходит из того, «что информация о женщинах есть обязательно информация о мужчинах, что одно требует изучения другого».¹⁹ Положение о референтности пола предполагает учитывать также взаимообусловленность исторической динамики маскулинности и фемининности. Так, английский джентльмен как идеальный тип может существовать только одновременно с идеалом леди. С изменением идеала женщины меняется идеал мужчины, и наоборот.

Еще один постулат, позволяющий говорить об эвристическом потенциале понятия гендера, связан с учетом **контекстуальности** пола; в свою очередь, в данной характеристике следует различать ряд аспектов.

Первый аспект требует принимать во внимание все многообразие смыслов, заключенных в концептах маскулинности и фемининности; в зависимости от контекста эти смыслы актуализируются по-разному. Как заметила Дж. Скотт,

мужчина и женщина – одновременно пустые и переполненные категории. Пустые, потому что они не имеют окончательного, трансцендентного значения. Переполненные, потому что если даже кажутся фиксированными, они все же содержат внутри себя альтернативные, отрицаемые или подавляемые дефиниции.²⁰

Очевидно, в различных дискурсах меняется как оценочная, так и содержательная сторона гендерных концептов.²¹ Подобная пластич-

¹⁶ Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 306–335.

¹⁷ Connell R.W. Gender. P. 9.

¹⁸ Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford, 2001. P. 53.

¹⁹ Скотт Д. Указ. соч. С. 409.

²⁰ Там же. С. 430.

²¹ Образ женского начала (как и образ Другого вообще) по своей сущности амбивалентен, что было проанализировано еще в труде С. де Бовуар «Второй

ность, заключенная в концептах мужественности и женственности, возможность самых различных интерпретаций обусловлена не в последнюю очередь постоянной борьбой за право их трактовать.

Второй аспект контекстуальности может быть проиллюстрирован словами Р. Коннелла: «Быть мужчиной или женщиной – это не фиксированное застывшее состояние, но, скорее, становление».²² Особое значение для данного тезиса имеет исследование перформативной природы гендера, проведенного Дж. Батлер.²³

Третий аспект связан с учетом исторического контекста. Маскулинность и фемининность – это исторические феномены; гендерные концепты в их современном варианте появились лишь в эпоху Модерности, то есть не ранее второй половины XVIII в.²⁴ Вместе с тем не следует абсолютизировать элемент изменчивости в гендерных ожиданиях и нормах; наряду с переменными чертами, очевиден элемент стабильности, который связан, прежде всего, с различием функций полов в процессе воспроизводства человеческого рода. Тело, действительно, является не только природным, но и культурным феноменом и связано с функционированием власти/подчинения.²⁵ Однако это не означает, что оно представляет собой чистый лист; объективная материальность тела ограничивает изменчивость гендерных норм.²⁶

Следующая характеристика пола, имеющая методологическое значение для гендерных исследований, – это его **гетерогенность**. Гендер – это всё множество отношений, вытекающих из деления человечества на две группы; отношения между мужчинами, связанные с их принадлежностью к этой группе, также являются гендерными – равно как и отношения внутри класса женщин.²⁷ В связи с этим большое значение имеет тезис о

пол» (Об идее двойственности женского начала, «идеала Мадонны» и «идеала содомского», в русской философской культуре см.: Рябов О.В. Русская философия женственности XI – XX века. Иваново, 1999). Иное, «чужой» – это начало и дьявольское, и Божественное, это всегда и страх, и надежда – надежда на чудо, на спасение.

²² Connell R.W. Gender. P. 4.

²³ Butler J. Gender Trouble. London, 1990.

²⁴ Напр.: Connell R.W. Masculinities. Berkeley, 1995. P. 68; Mosse G.L. The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity. New York, 1996. P. 5.

²⁵ Steans J. Op. cit. P. 27.

²⁶ Connell R.W. The Men and the Boys. Berkeley, 2000. P. 62.

²⁷ Connell R.W. Gender. P. 54.

множественной маскулинности (*multiple masculinities*), выдвинутый Р. Коннеллом. Маскулинность не есть нечто однородное и единое, в гендерном дискурсе идет борьба ее различных типов; эти различия определяются классом, расой, этничностью, сексуальной ориентацией, политическими пристрастиями и другими факторами.²⁸ Маскулинность, следовательно, может быть интерпретирована как поле конкурирующих дискурсов. Идея дискретного характера маскулинности позволила Р. Коннеллу сформулировать положение об иерархии маскулинностей – гегемонной (*hegemonic*), с одной стороны, и подчиненных и маргинализируемых маскулинностях, с другой. Понятие гегемонной маскулинности, которое появилось в работе австралийского исследователя в 1983 г., основывалось на интерпретации гегемонии А. Грамши; в его работах 30-х гг. XX в. этим понятием обозначено культурное доминирование.²⁹ Успешное функционирование гегемонной маскулинности зависит от способности предложить объяснение той или иной ситуации, установить набор терминов, в которых происходит осмысление событий и обсуждение проблем, формулировать идеалы и определять мораль.³⁰ Гегемонная маскулинность, таким образом, – это маскулинность, которая занимает господствующую позицию в определении того, что именно считать нормой гендерных отношений.³¹ Этот вид доминирования не исключает открытого насилия, но осуществляется, прежде всего, через образование,

²⁸ Например, в гендерном дискурсе британского колониализма храбрость – это характеристика не просто мужчины, но *белого* мужчины; трусость же ассоциируется не только с женщинами, но и с цветными *мужчинами* (Blom I. *Gender and Nation in International Comparison* // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) *Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford; New York, 2000. P. 10). Еще раз обратим внимание и на отмеченную выше референтность пола: гегемонная маскулинность конструируется через противопоставление женственности, а также подчиненным маскулинностям (Connell R.W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge, 1987. P. 186; см. также: Hooper C. *Masculinist Practices and Gender Politics: The Operation of Multiple Masculinities in International Relations* // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) *The «Man» Question in International Relations*. Boulder, 1998. P. 34).

²⁹ Tosh J. *Hegemonic Masculinity and the History of Gender* // S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh (Eds.) *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History*. Manchester; New York, 2004. P. 43.

³⁰ Connell R.W. *Gender and Power*. P. 107.

³¹ Connell R.W. *Masculinities*. P. 76.

религию, масс-медиа и другие средства культуры.³² Наиболее заметные носители гегемонной маскулинности далеко не всегда являются наиболее могущественными людьми; в роли своеобразной иконы, легитимирующей данную иерархию, могут выступать, например, звезды спорта, а также киноактеры или их герои.³³

Отмеченная господствующая позиция – предмет острой конкуренции,³⁴ и в истории различимы несколько основных типов гегемонной маскулинности: древнегреческая модель гражданина-воина; иудейско-христианская модель патриарха; средневековая модель рыцаря; буржуазно-рационалистская модель.³⁵ Наконец, претендентом на роль гегемонной маскулинности в последние годы становится маскулинность транснационального бизнеса.³⁶

Схожие черты обнаруживает и женственность, также представляющая собой поле конкурирующих дискурсов, определяемых различными социальными идентификаторами. Самый очевидный и наглядный способ соревнования идеалов – конкурсы красоты, разумеется, не исчерпывает проблемы, однако весьма показателен. Красота может быть интерпретирована в качестве социального конструкта; установление же канона красоты одновременно является продуцированием иерархий – как типов женственности, так и ассоциируемых с ней социальных групп, культур и цивилизаций.³⁷ Особый интерес представляет соревнование фемининностей на глобальной арене, о чем подробнее речь пойдет в дальнейшем.

При этом следует учитывать, что в целом роль женщины в производстве гендерных дискурсов ограничена. П. Бурдье охарактеризовал женское бытие как «бытие воспринимаемых»; женщины существуют, прежде всего, через взгляд других и для взгляда других. По оценке исследователя, маскулинистское доминирование производит женщин как

---

³² Connell R.W. *Gender and Power*. P. 184–185.

³³ Connell R.W. *Masculinities*. P. 77.

³⁴ Там же. P. 76.

³⁵ Hooper C. *Masculinist Practices and Gender Politics*. P. 33.

³⁶ Connell R.W. *The Men and the Boys*. Berkeley, 2000. P. 63; см. также: Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // *Личность. Культура. Общество*. Т. VIII. Вып. 4 (32). 2006.

³⁷ Анализ конкурсов красоты см.: Banet-Weiser S. *The Most Beautiful Girl in the World: Beauty Pageants and National Identity*. Berkeley, 1999.

символические объекты, что сохраняет их в состоянии постоянной символической зависимости.³⁸

В работах Р. Коннелла, наряду с понятием гегемонной маскулинности, используется термин «акцентированная женственность» (Emphasized Femininity),³⁹ призванный показать гетерогенность фемининности. «Акцентированная женственность», возглавляющая иерархию фемининностей в гендерном порядке патриархатного общества, ориентирована на соответствие интересам и желаниям мужчин – представителей гегемонной маскулинности. Она призвана укреплять глобальную субординацию женщин, в то время как другие фемининности организованы – в большей или меньшей степени – вокруг сопротивления подобному режиму. Этот термин также показывает отсутствие фемининности, которую можно было бы обозначить как гегемонную;⁴⁰ все разновидности фемининности являются подчиненными.⁴¹

Данное обстоятельство обусловлено той характеристикой пола, на которую, очевидно, обращается наибольшее внимание в гендерных исследованиях, а именно его **потестарностью**, то есть ролью в отношениях власти/подчинения. Одно из ключевых положений гендерных исследований – это идея несправедливости существующего гендерного порядка (чаще всего он обозначается термином «патриархат»),⁴² при котором мужчины находятся в привилегированном положении по сравнению с женщинами. Гендер есть первичное средство означивания отношений власти – так сформулирована эта мысль у Дж. Скотт.⁴³ Р. Коннелл вводит понятие патриархатного дивиденда – преимущества, извлекаемого мужчинами как группой из несправедливого гендерного порядка.⁴⁴ Поскольку иерархическими являются и отношения *внутри* полов, постольку гендерный анализ должен принимать во внимание, что, во-первых, не все

³⁸ Bourdieu P. Masculine Domination. P. 63, 66. Женственность же, по мнению исследователя, зачастую является не чем иным, как формой индальгенции, выдаваемой в соответствии с реальными или предполагаемыми мужскими ожиданиями (Там же. P. 66).

³⁹ Connell R.W. Gender and Power. P. 183.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Hooper C. Masculinist Practices and Gender Politics. P. 35.

⁴² О дискуссиях вокруг термина «патриархат» см.: Tosh J. Op. cit. P. 44–46.

⁴³ Скотт Д. Указ. соч. С. 422.

⁴⁴ Connell R.W. Gender. P. 142.

мужчины в равной степени получают выгоду от неравенств гендерного порядка; во-вторых же, в получении патриархатного дивиденда принимают участие и некоторые группы женщин.⁴⁵

Таким образом, гендер как система отношений между полами и внутри полов – это важнейшая часть социального порядка. Вместе с тем гендерный дискурс принимает участие в создании картины мира в целом и организации социальных отношений между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. Переплетаясь с другими видами дискурса, он испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их.⁴⁶ Что позволяет рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов?

Самой общей причиной является способность гендерного дискурса выполнять функции маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами. Н. Ювал-Дэвис одной из первых обратилась к анализу роли гендерного дискурса в построении социальных границ. Исследуя национальные сообщества, она предложила интерпретировать гендерные символы в качестве «пограничников», которые, наряду с другими маркерами, идентифицируют индивидов в качестве членов или же не-членов определенного сообщества.⁴⁷ К работам этой исследовательницы мы еще вернемся; пока же отметим, что она опиралась на книгу Дж. Армстронга,⁴⁸ который впервые применил для анализа национальных сообществ идеи Ф. Барта.⁴⁹ Положения норвежского антрополога о роли границ в обеспечении культурной специфики и коллективной идентичности представляют для нашего исследования особый интерес. Ф. Барт показал, что сами содержательные компоненты культуры в значительной степени определяются необходимостью границы между сообществами. Первична сама граница, а не удерживаемое ею культурное содержание. Социальные границы создаются при помощи этнических маркеров, или диакритиков, – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами

---

⁴⁵ Там же. Р. 6, 142.

⁴⁶ Cohn C. Op. cit. P. 228.

⁴⁷ Yuval-Davis N. Gender and Nation. London, 1997. P. 23.

⁴⁸ Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

⁴⁹ Barth F. Introduction // F. Barth (Ed.) Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference. London; Bergen, 1969.

группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (например, одежда, язык, стиль жизни).⁵⁰

Реляционная парадигма идентичности, на которую рассмотренные идеи Ф. Барта оказали большое влияние, постулирует понимание коллективной идентичности как, в первую очередь, отношения между Своими и Чужими.⁵¹ Таким образом, репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга; конструкция инаковости одновременно представляет собой нормативный образец идентичности.⁵²

Я исхожу из того, что коллективная идентичность существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между Своими и Чужими на собственный манер, определяя при этом «более Своих» и «менее Своих» (или «внутренних Чужих»). Та же русскость представляет собой поле конкурирующих дискурсов, и мы можем наблюдать множество самых различных, порой взаимоисключающих, интерпретаций на тему, что такое Россия и что означает «быть русским». Процесс создания, поддержания и корректировки социального порядка, следовательно, предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри социума: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за границы Своего. Такой эталон будет обуславливаться различными нормами; важное место среди них занимают нормы гендерные.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Гендерный порядок Своих, как правило, репрезентируется в качестве нормы, в то время как гендерный порядок Чужих – в качестве девиации (Свои мужчины – самые мужественные, Свои женщины – самые женственные и т. д.). То есть при помощи гендерного дискурса утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля; он, следовательно, может

---

⁵⁰ Там же. P. 14.

⁵¹ Jenkins R. Social Identity. London; New York, 1996.

⁵² Sharp J.P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis, 2000. P. 29.

быть рассмотрен – воспользуемся терминологией П. Бурдьё – в качестве формы «символического насилия».⁵³

В гендерном дискурсе функцию маркеров могут выполнять символы, образы, метафоры. Дж. Скотт, анализируя роль гендерного дискурса в историческом нарративе, отмечает: «Критика Французской Революции Эдмунда Берка основана на контрасте между безобразными, кровожадными ведьмами-санкюлотами ('фурии ада в захваченных телах отвратительных женщин') и мягкой женственностью Марии Антуанетты...».⁵⁴

Особый интерес для нашего исследования представляет такой механизм производства границ и иерархий, как гендерная метафоризация. Широкое использование гендерных метафор становится возможным благодаря целому ряду характеристик процесса мышления. Прежде всего, это сам способ концептуализации реальности при помощи бинарных оппозиций как наиболее привычный и «экономный» способ организации картины мира, берущий начало в противопоставлении Своих и Чужих.

Далее, картина мира всегда «очеловечена»; наделение вещей и отношений гендерными характеристиками, соотнесение их с мужским или женским началом является частным случаем ее антропоморфизации.

Наконец, метафора, как отметили Р. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой механизм, используемый человеком для того, чтобы упростить мир, приблизить его к собственному жизненному опыту.⁵⁵

Таковы условия гендерной маркировки социальных и природных феноменов. Но какие же именно вещи, свойства и отношения соотнесены с мужским, а какие – с женским началом? И каковы последствия подобной метафоризации для гендерного порядка в обществе? Одним из принципиальных положений гендерных исследований стал тезис о том, что в культурно-символической составляющей пола содержатся ценно-

---

⁵³ Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Stanford, 1998. P. 103. Символическое насилие рассматривается в качестве вида «символической борьбы», целью которой является символический капитал и символическая власть как «*власть творить мир при помощи слов*» (Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 204).

⁵⁴ Скотт Д. Указ. соч. С. 426.

⁵⁵ См.: Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations: Notes on Gender and Nationhood // *Kvinner, køn og forskning*. 2002. No 2. P. 52–65, [http://folk.uio.no/geirthe/Sexual life.html](http://folk.uio.no/geirthe/Sexual%20life.html) (последнее посещение в декабре 2006 г.).

стные ориентации и установки. Природа и культура, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное – данные феномены отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия – «гендерная асимметрия», которая позволяет ставить вопрос об андроцентризме культуры. Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское – в качестве негативного и периферийного. В результате «символическая женщина конструируется как отклонение от нормы».⁵⁶ Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию социальных субъектов (и отдельных индивидов, и, например, культур), маркировка которых как женственных или как мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и – что принципиально – соответствующего места в социальной иерархии. Поскольку гендерная метафоризация принимает участие в формировании социальных иерархий, постольку, на мой взгляд, допустимо выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений – наряду, скажем, с когнитивной или художественной функциями.

Властная функция гендерной метафоры проявляет себя в различных типах дискурса, например, в дискурсе социальном, поддерживающем и корректирующем иерархию социальных слоев и классов. Это показывает, в частности, гендерный анализ скульптурной композиции В. Мухиной «Рабочий и колхозница» (1937). Сама по себе акцентированная маскулинность не только рабочего, но и колхозницы несет вполне определенную информацию о той стороне советского мироощущения, которую Н. Бердяев назвал «социальным титанизмом».⁵⁷ Вместе с тем мужчина – именно рабочий, а женщина – колхозница, а не наоборот. Это связано, во-первых, с гендерной асимметрией отношений господства и подчинения: мужская фигура символизирует гегемона-пролетария, в то время как женская – колхозное крестьянство, функция которого в движении к светлому будущему была определена как значительно более

---

⁵⁶ Spike Peterson V., True J. «New Times» and New Conversations // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) Op. cit. P. 16.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 123.

скромная.⁵⁸ Во-вторых, эта композиция отражает и закрепляет представления о «природности» фемининного, противостоящего мужскому началу культуры. Традиционный же ассоциативный ряд качеств природы – стихия, материя, бессознательное, интуиция, а также необходимость просветления, оформления, руководства, контроля.⁵⁹

Трактовка фемининного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет основную – хотя и не единственную – форму гендерной метафоризации: маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих.

Отметим еще одно принципиальное для уточнения методологии положение. Как подчеркивает К. Кон, гендерная метафоризация работает и в «обратную сторону» (*in reverse*); проявление таких качеств, как, например, способность абстрактно мыслить, умение быть беспристрастным, привычка апеллировать к разуму, а не к чувствам, служит одновременно демонстрацией маскулинности – что означает «быть в привилегированной позиции в дискурсе».⁶⁰ Иными словами, атрибутирование какой-либо культуре, скажем, «загадочности», «хаотичности», «иррациональности» представляет собой ее гендерную характеристику, причем вполне определенную. В свою очередь, феминизация, к примеру, Востока в равной мере является ориентализацией женственного и женщины – со всеми вытекающими для ее статуса последствиями.

Стремление поддержать или изменить гендерный порядок, таким образом, выступает одной из причин переплетения гендерного дискурса с иными дискурсами.

Другой причиной столь активного участия гендерного дискурса в идентификационных стратегиях является то, что в самой оппозиции

---

⁵⁸ Waters E. *The Female Forms in Soviet Political Iconography* // B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec (Eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991. P. 240–241; см. также: Bonnell V.E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art* // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. No 3. P. 288.

⁵⁹ Об отражении гендерной асимметрии двух классов советского общества в других формах визуальных репрезентаций см.: Bonnell V.E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art*; Она же. *The Peasant Women in Stalinist Political Art of the 1930s* // *The American Historical Review*. 1993. Vol. 99. No 1; Hobsbaum E. *Man and Woman in Socialist Iconography* // *History Workshop*. Oxford, 1978. No 6. P. 126–127; Goscilo H., Lanoux A. *Introduction: Lost in the Myths* // H. Goscilo, A. Lanoux (Eds.) *Gender and National Identity in Twentieth-century Russian Culture*. DeKalb, 2006.

⁶⁰ Cohn C. *Op. cit.* P. 229.

«мужское – женское» заключена возможность использовать его и для четкой маркировки границы между Своими и Чужими, и для продуцирования отношений неравенства и контроля.

Наконец, еще одна причина – постулируемая «естественность» эталонов мужественности и женственности: эссенциализация, которая содержится в гендерных концептах, переносится, например, на обоснование сущностного и потому неустранимого характера противоречий между враждующими социальными субъектами. Особый эмоциональный заряд использования гендерного дискурса обусловлен тем, что отношения между полами воспринимаются обыденным сознанием как едва ли не наиболее очевидный, понятный и безусловный, а потому легитимный и не подлежащий рефлексии пласт человеческой культуры.⁶¹

I. 2. Национализм

Национализм – это опиум народа.
У. Озкirimли⁶²

Национализм – это любовь.
М. Афлак⁶³

Нация – другой феномен, который претендует на то, чтобы выглядеть максимально естественным и безупречно легитимным. Национализм является одной из наиболее изучаемых в наши дни проблем; тем не менее едва ли не единственное, в чем сходятся современные исследователи, – это невозможность выработать в настоящее время общую теорию национализма. Поэтому, по оценке К. Калхуна, «общее у разных типов национализма только одно – дискурс национализма».⁶⁴ Другими словами, то, что объединяет различные национализмы, есть риторика национальности.⁶⁵ Рассмотрим основные элементы национализма как дискурсив-

⁶¹ Blom I. Op. cit. P. 6.

⁶² Ozkirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. New York, 2000. P. 60.

⁶³ См.: Smith A.D. Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge; Malden, 2001. P. 1.

⁶⁴ Calhoun C. Nationalism. Minneapolis, 1998. P. 22.

⁶⁵ Ozkirimli U. Op. cit. P. 10–11.

ной формации⁶⁶ – той «вселенной значений, в которой нации стали возможными».⁶⁷

Национализм – это классифицирующий дискурс, в котором нация понимается в качестве базового оператора всеохватывающей системы социальной классификации.⁶⁸ Подобно тому как, скажем, расизм утверждает приоритетность деления человечества на расы, а марксизм – на классы, национализм призывает рассматривать деление человечества на нации в качестве основного.⁶⁹ Этот призыв, следует признать, находит отклик: хорошо известны слова Б. Андерсона о том, что человек не станет жертвовать жизнью во имя лейбористской партии или медицинского сообщества, к которым он принадлежит наряду с нацией, но за нацию он готов умирать.⁷⁰ Чтобы выразить особую значимость национализма, академический дискурс избирает различные метафоры. Доктриной о сущности бытия называет его Б. Капферер.⁷¹ Другая известная характеристика национализма – «светская религия» – появляется в работах Э. Дюркгейма о Французской революции;⁷² в дальнейшем выражение «**политическая религия**» получило широкое распространение.⁷³

---

⁶⁶ В качестве дискурсивной формации национализм предложено рассматривать в трудах К. Калхуна (Calhoun C. Nationalism. Minneapolis, 1998. P. 3, 123) и М. Биллига (см.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 56); в российской науке такой подход отстаивается в работах А. Миллера (Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4).

⁶⁷ Suny R.G., Kennedy M.D. Toward a Theory of National Intellectual Practice // R.G. Suny, M.D. Kennedy (Eds.) Intellectuals and the Articulation of the Nation. Ann Arbor, 1999. P. 3.

⁶⁸ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 297.

⁶⁹ Smith A.D. National Identity. Reno, 1991. P. 74.

⁷⁰ Anderson B. Op. cit. P. 132.

⁷¹ См.: Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London; East Haven, 1993. P. 107.

⁷² См.: Manzo K.A. Creating Boundaries: The Politics of Race and Nation. Boulder, 1996. P. 7, 15.

⁷³ Ozkirimli U. Op. cit. P. 33–34. Наиболее подробно данная проблема исследована в книге К. Хайеса (Hayes C.J.H. Nationalism: A Religion. New York, 1960). Политической религией называют национализм многие современные авторы. У. Озкirimли предлагает именно национализм, а отнюдь не религию считать «опиумом народа» наших дней (Ozkirimli U. Op. cit. P. 60); Э. Смит отмечает такие черты этого феномена, как мессианизм и идею избранного народа (Smith A.D. Nationalism. P. 24, 35, 133). Анализ параллелей между Священным Писанием и дискурсом национализма см.: Manzo K.A. Op. cit.

Подобно религии, национализм обещает **бессмертие**. Б. Андерсон, анализируя на примере феномена могилы Неизвестного солдата роль идеи коллективного (и индивидуального) бессмертия в национальном дискурсе, подчеркивает компенсаторные функции национализма.⁷⁴ Проецируя собственную судьбу на коллективное воображаемое будущее, человек удовлетворяет психологическую потребность в принадлежности к чему-то более прочному и устойчивому, чем он сам. Нация «переживается страстно, как некое весьма реальное и конкретное сообщество, в котором мы можем найти определенную гарантию нашей идентичности и даже – через наших потомков – нашего бессмертия».⁷⁵ Идентификация с нацией помогает преодолеть чувство страха, вызванного конечностью индивидуального бытия и перспективой забвения. Однако национализм не только устремлен в будущее; не менее значимую роль в нем играет обращенность в прошлое, точнее, к вечности, к мифологическому времени. В таксономии мифов нации особое значение имеет миф о Золотом веке.⁷⁶ То обстоятельство, что нации стремятся представить себя настолько древними, насколько это возможно, отмечают приверженцы различных исследовательских парадигм.⁷⁷

Роль прошлого (или, точнее, «полезного прошлого», по выражению Э. Смита) в национализме значительна. «Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые ‘производят’ это прошлое».⁷⁸ Нация, как заметил Х. Баба, это нарратив, который рассказываете себе и другим.⁷⁹

В связи с этим необходимо уточнить собственную позицию по проблеме «изобретенности традиций», имеющей методологическое значение для исследования. Наиболее убедительной мне представляется точка зрения Э. Смита, который, с одной стороны, соглашается с тем, что каждое новое поколение дает новые формулировки национальной иден-

⁷⁴ Anderson B. Op. cit. P. 18.

⁷⁵ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 261.

⁷⁶ Smith A.D. The «Golden Age».

⁷⁷ См.: Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. P. 101.

⁷⁸ Хобсбаум Э.Д. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. С. 332.

⁷⁹ См.: McCrone D. The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors. London; New York, 1988. P. 51.

тичности.⁸⁰ С другой стороны, по мнению британского исследователя, существующая преемственность и предыдущие интерпретации ограничивают возможности коренного изменения,⁸¹ отбор и переработка традиций происходят в строгих рамках, определяемых культурой – или культурами – данного народа: его языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями и т. д.⁸² Помимо этого, необходимо учитывать, что «процесс отбора традиций сообщества и их интерпретаций нельзя просто свести к интересам и нуждам конкретных элит и нынешних поколений»;⁸³ по его выражению, этническая символическая коммуникация – это коммуникация между мертвыми и живыми.⁸⁴

Соглашаясь со многими своими оппонентами в том, что нация возникает в эпоху Модерности, Э. Смит в то же время пишет:

Выступая против социального конструктивизма и изобретения как надежных объяснительных категорий, я не собираюсь отрицать множественные попытки 'конструирования' и 'изобретения'. Моя мысль состоит лишь в том, что для того, чтобы увенчаться успехом, такие попытки должны основываться на важных социальных и культурных связях, существовавших ранее.⁸⁵

Таким образом, дискурс национализма позволяет индивиду ощутить себя частью бесконечной цепи поколений. Без представлений об общности происхождения мифология бессмертия и Золотого века в значительной мере утрачивает свою эффективность. Идея **родства** – важнейший элемент национального дискурса. Вновь процитируем Э. Смита:

Это чувство расширенного родства, родни и друзей, связанное с определенной 'родиной', лежит в основе национальных идентичностей и сплоченности многих современных наций и наделяет их представителей живым чувством родственной связанности и давней преемственности.⁸⁶

Идея родства, включающая восприятие нации в виде семьи, может эксплицироваться через образы родства как кровного, так и духовного,

---

⁸⁰ Смит Э. Указ. соч. С. 90.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 242. Иногда для обозначения этих аспектов культуры этносимволисты (к числу которых принадлежит Э. Смит) используют термин «мифосимволический комплекс» (напр.: Armstrong J. Op. cit.).

⁸³ Смит Э. С. 91.

⁸⁴ Там же. С. 331–332.

⁸⁵ Там же. С. 243.

⁸⁶ Там же. С. 96–97; см. также: Smith A.D. National Identity. P. 22.

культурного. Органицистские теории рассматривают нацию как единый организм, обладающий телом и душой. Национальная душа (или дух) в более «респектабельных» теориях часто получает название национального характера. Однако, заметим, даже идея национального характера делает связь индивида с определенным национальным сообществом значительно более устойчивой и значимой, чем, скажем, гражданство или членство в политической партии. Тенденция персонификации нации, по оценке К. Вердери, получила выражение уже у И. Гердера. Нации воспринимаются как индивиды, действующие лица истории, обладающие собственным характером или душой, миссией, волей. У них есть источник (место рождения) и родословная (обычно по отцовской линии), а также жизненные циклы, включающие рождение, расцвет и увядание, смерть. В качестве своего материального референта они имеют территории, ограниченные, подобные человеческому телу.⁸⁷ К. Калхун обратил внимание на связь национализма с идеологией индивидуализма и идеей личности.⁸⁸ Нации обычно понимаются как индивиды и в буквальном смысле, будучи не-делимыми, и в метафорическом, как единичные существа, которые обладают неуничтожимой идентичностью и движутся по истории, подобно тому как обычные люди движутся по их индивидуальной судьбе.⁸⁹ Заметим, что подобное восприятие национального сообщества в качестве личности создает условия для широкого распространения аллегорий нации (включая и «Россию-Матушку»).

Идея родства, общности происхождения, связана с еще одним традиционным для дискуссий о природе национализма вопросом – о соотношении политического и этнического как в нации, так и в национализме. Для нашего исследования вопрос о том, обладает ли *нация* этническими корнями – «пупком», по выражению Э. Геллнера, не является принципиальным. Гораздо важнее, как этничность и родство репрезентируются в *национализме*. В этой связи представляется продуктивным принимать во внимание различия между двумя уровнями национализма – идеологическим и дискурсивным. Действительно, деление идеологии национализма на два типа (гражданский и этнический) известно хорошо

---

⁸⁷ Вердери К. Указ. соч. С. 300.

⁸⁸ Calhoun C. Op. cit. P. 45.

⁸⁹ Там же. P. 44.

и с определенными оговорками может быть принято. Однако больший интерес представляет то, что, как считает Э. Смит, даже политический, гражданский национализм репрезентирует себя как этнический.⁹⁰ По оценке Т. Эриксона, национальное государство получает важную часть своей политической легитимности, убеждая граждан в том, что те представляют собой некую однородную культурную общность.⁹¹ Даже те исследователи, которые полагают, что нация не имеет этнической основы (например, Э. Балибар и И. Валлерстайн), соглашаются, что она репрезентируется так, как если бы представляла собой естественное сообщество.⁹² К. Калхун в связи с этим обращается к примеру американского национализма, который считается классическим случаем национализма гражданского. Между тем в Америке, отмечает исследователь, наряду с идеями «плавильного котла», воспроизводится этническая по своей сущности идентичность «белого англосаксонского протестанта (WASP)».⁹³ Многие национализмы, более того, обнаруживают сходство с расизмом – если понимать расизм как естественное различие, которое не может быть ни устранено, ни скрыто.⁹⁴

Следует отметить еще одну импликацию из положения о нации как родственной группе – идею **чистоты нации**. По оценке К. Вердери, национализм есть гомогенизирующий дискурс по самой своей сути.⁹⁵ «Представления о чистоте и испорченности, о крови как носителе культуры или, наоборот, скверны являются фундаментальными для проектов национального строительства».⁹⁶

В гражданском национализме эту же функцию гомогенизации выполняет идея **горизонтального товарищества**.⁹⁷ Национализм, в действительности продуцируя иерархическое и гетерогенное сообщество, стремится представить его горизонтальным и однородным.

---

⁹⁰ Smith A.D. Nationalism. P. 129.

⁹¹ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. P. 101.

⁹² См.: Smith A.D. National Identity. P. 96; Он же. Nationalism. P. 100.

⁹³ Calhoun C. Op. cit. P. 57, 49.

⁹⁴ Manzo K.A. Op. cit. P. 19.

⁹⁵ Вердери К. Указ. соч. С. 298.

⁹⁶ Там же. С. 303.

⁹⁷ Anderson B. Op. cit. P. 7.

«**Национализм – это любовь**»⁹⁸ – такими словами сирийского политика М. Афлака проиллюстрируем положение, указывающее на еще один существенный элемент дискурса о нации. Эротизация политического не является прерогативой национализма: тот же Перикл у Фукидида призывает «влюбиться в родной полис». В национализме, однако, национальный Эрос возводится в высшее достоинство, в политическую добродетель.⁹⁹ Э. Смит – один из наиболее горячих приверженцев идеи значимости аффективного компонента в национализме – отмечает особую роль эстетизации нации, которая осуществляется, в первую очередь, благодаря созданию картин родной природы и сакрализации **территории**, «родины».¹⁰⁰

Вместе с тем, разумеется, национализм – это далеко не только любовь. Поскольку конечность, как отметил Б. Андерсон, представляет собой одну из фундаментальных характеристик нации как воображаемого сообщества,¹⁰¹ постольку **граница, отделяющая Своих от Чужих**, – это ключевой элемент нации. Без образа Чужих было бы невозможно объяснить, зачем ту или иную группу людей необходимо выделять в отдельную нацию (почему, скажем, шотландцы – это не англичане, а украинцы – это не русские). Это заставляет исследователей обращать самое пристальное внимание на роль негативной идентичности в национализме, на значимость репрезентаций Чужих. Включение и исключение, иными словами, представляют собой две стороны процесса создания и функционирования нации.

По всей вероятности, первой работой, в которой подробно рассматривался вопрос о роли межнационального дискурса в национализме, стала уже упоминавшаяся книга Дж. Армстронга «Нации до национализма». Отправная точка рассуждений исследователя – этнические

⁹⁸ См.: Smith A.D. Nationalism. P. 31.

⁹⁹ Manzo K.A. Op. cit. P. 42. Патриот – это любовник, а не просто читатель или писатель текстов, отмечает Дж. Ландэ (Landes J.B. Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca, 2001. P. 141).

¹⁰⁰ Напр.: Smith A.D. Nationalism. P. 31–32. О мифе территории в национальной мифологии см.: Hosking G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // G. Hosking, G. Schöpflin (Eds.) Op. cit. P. 28–29; Smith A.D. National Identity. P. 8–11.

¹⁰¹ Anderson B. Op. cit. P. 19.

исключения, граница между Своими и Чужими; функцию пограничников выполняют национальные символы.¹⁰² Образ Другого, таким образом, становится знаком идентичности.

Принципиально, что дискурс национализма проводит не только внешние границы, но и внутренние. Ф. Барт обратил внимание на то, что диакритики становятся предметом острой конкуренции, связанной с проблемой власти. Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров. Различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других различий.¹⁰³ Борьбу за символы в качестве важнейшего элемента национализма расценивает и К. Вердери. Она предлагает рассматривать национализм как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаясь застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия.¹⁰⁴

Крайним случаем Чужого является **Враг**. Враг может быть рассмотрен как социальный конструкт;¹⁰⁵ он определяется не только реальными качествами соперничающей стороны, но и его функциями: во-первых, поддержание идентичности социального субъекта за счет четкого отделения Чужих от Своих; во-вторых, обоснование собственного превосходства (военного, нравственного, эстетического), что призвано способствовать победе над Врагом; в-третьих, упрочение внутреннего порядка и проведения символических границ в собственном социуме.¹⁰⁶

Отмеченные функции этого образа обуславливают редукцию и референцию составляющих его черт. Он должен порождать чувство опасности. Эффективно сконструированный образ врага, далее, вызывает убежденность в моральной правоте Своих и неправоте – Чужих. Гнев, отвращение, безжалостность – еще один кластер чувств, который должен вызывать данный образ; это предполагает использование такого

---

¹⁰² Armstrong J. Op. cit. P. 6.

¹⁰³ Barth F. Op. cit. P. 35.

¹⁰⁴ Вердери К. Указ. соч. С. 299.

¹⁰⁵ Aho J.A. This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy. Seattle, 1994. P. 26.

¹⁰⁶ Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: Гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Под ред. Н.А. Купиной и О.А. Михайловой. Екатеринбург, 2004.

приема, как дегуманизация врага. Наконец, Враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы Своих не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна.¹⁰⁷

Проблема Врага, внешнего и внутреннего, непосредственно связана с другим элементом национализма – **образом войны**. Нация не существует вне военного дискурса. История нации воспринимается в значительной степени в качестве истории ее войн; войны же, во всяком случае, их репрезентации в дискурсе Модерности, – это, в первую очередь, соперничество наций.¹⁰⁸ Исследователи, изучающие национализм, подчеркивают значение войны для создания национальной идентичности – идентичности, которая обеспечивает готовность человека убивать других и жертвовать собой.¹⁰⁹ Поскольку жертва есть высшая ценность в христианстве, постольку принесение собственной жизни на алтарь Отечества становится доказательством и веры в Бога, и любви к соотечественникам.¹¹⁰ Неизвестный солдат символизирует и подобную жертву, и саму идею национального бессмертия. Национальный герой же – это постоянный мотив в нарративе национализма.¹¹¹

Наконец, в исследованиях последних лет признается значимость **повседневного опыта**, микроуровня национализма – того, который воспроизводится ежедневно.¹¹² Наиболее известной работой по этой проблеме является «Обыкновенный национализм» (Banal Nationalism) М. Биллига (1995). Метонимическим образом «обыкновенного национа-

¹⁰⁷ Напр.: Frank J.D. *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace*. New York, 1967. P. 182–185; Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco, 1986; Rieber R.W., Kelly R.J. *Substance and Shadow: Images of the Enemy* // R.W. Rieber (Ed.) *Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy*. New York, 1991; Harle V. *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport, 2000.

¹⁰⁸ Goldstein J.S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge, 2001.

¹⁰⁹ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 56; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism*. P. 107.

¹¹⁰ Manzo K.A. *Op. cit.* P. 42. Как высшая икона национальной жертвы и страданий, военный мемориал представляет собой современный аналог распятия, пишет исследовательница (Там же).

¹¹¹ Ozkirimli U. *Op. cit.* P. 67–68; см. также: Hedetoft U. *Signs of Nations: Studies in the Political Semiotics of Self and Other in Contemporary European Nationalism*. Aldershot; Brookfield, 1995. Chapter VI.

¹¹² Ozkirimli U. *Op. cit.* P. 194.

лизма» исследователь предлагает считать не тот флаг, который вывешивается осознанно и вызывает бурю эмоций – но тот, который висит на общественном здании незамеченным.¹¹³

I. 3. Национализм и гендер

Любовь к своей стране в сотни раз более пылкая и восторженная, чем к любовнице.
*Ж.Ж. Руссо*¹¹⁴

Отечество... требует от нас любви... такой, какую вложила природа в один пол к другому.
*А.С. Шишков*¹¹⁵

«Национализм с самого своего возникновения конституировался как гендерный дискурс и не может быть понят вне этого»,¹¹⁶ – утверждает Э. Макклиток, и многие исследователи готовы согласиться с этой мыслью. Сейчас библиография проблемы «национализм и гендер» насчитывает тысячи наименований, и ею занимаются сотни исследователей. Отметим, что отношения гендерных исследований и исследований национализма складывались непросто. Тот же Э. Смит, отмечая большой исследовательский потенциал проблемы, высказывает вместе с тем мысль, что авторы лишь немногих работ в данном исследовательском поле интересуются происхождением наций и ролью гендерных отношений в этих процессах; факторами распространения наций и национализма по всему миру; причинами того, почему национализм пробуждает столь сильные страсти у столь многих людей (в том числе и женщин).¹¹⁷ В свою очередь, Н. Ювал-Дэвис в работе 1992 г. посетовала, что большая часть ведущих теорий национализма, включая созданные женщинами, игнорирует гендерные отношения как иррелевантные. Более того

¹¹³ См.: Там же. Р. 200.

¹¹⁴ См.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 20–21.

¹¹⁵ Шишков А.С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1812. С. 25.

¹¹⁶ McClintock A. «No Longer in a Future Heaven»: Nationalism, Gender, and Race // G. Eley, R.G. Suny. (Eds.) Op. cit. P. 261.

¹¹⁷ Смит Э. Указ соч. С. 381–382. Позволю себе на этот раз поставить под сомнение справедливость суждений мэтра – более того, именно гендерные исследования, на мой взгляд, обращают особое внимание на роль страстей в национализме, о которых так много пишет британский автор.

– даже в феминистских текстах в течение длительного времени не придавалось значения этим вопросам, что объясняется исследовательницей тем, что они берут начало в западном социально-гуманитарном знании.¹¹⁸ По мнению У. Озкиримли, который пытается определить место гендерных исследований в массиве теорий национализма, все «классические» теории принадлежали к гегемонному дискурсу; ни одна из них не принимала во внимание опыт маргинальных групп, например женщин или населения колоний. Появление новых парадигм он связывает с развитием *Cultural Studies*; ключевым вопросом анализа наций и национализма сегодня становится вопрос о неодинаковом участии различных социальных групп в националистических проектах.¹¹⁹

Необходимо особо подчеркнуть, что интерес к означенной проблеме для гендерных исследований был и остается вполне органичным.

Во-первых, феминистский анализ национальных сообществ позволил эксплицировать включенность гендерных отношений в систему неравенств и противоречий социальной жизни, пролить дополнительный свет на вопросы о механизмах продуцирования асимметрий, о логике власти, выявить то общее, что создает и каждый день воспроизводит систему неравенств/дифференциаций и – одновременно – идентичностей/солидарностей.

Во-вторых, многие вопросы, являющиеся предметом анализа в гендерных исследованиях, не могут быть поняты адекватно без учета национального фактора. Этническое и национальное (так же, как классовое или расовое) могут быть отнюдь не менее значимыми в жизни каждого человека (в том числе женщины), нежели гендерное.

Среди основных положений, которые стали результатом гендерного анализа нации, в первую очередь следует остановиться на вопросе о самой природе переплетения гендерного и национального дискурсов.

---

¹¹⁸ Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations // G. Eley, R.G. Suny (Eds.) Op. cit. P. 120–121. С. Уолби в статье, написанной в 1992 г., сочла возможным отметить только три работы, посвященные проблеме гендерного характера наций и национализма; это труды К. Джайявардены (1986), С. Энлоэ (1989), Ф. Антиас и Н. Ювал-Дэвис (1989) (Уолби С. Женщина и нация // Нации и национализм. С. 308).

¹¹⁹ Ozkirimli U. Op. cit. P. 191–193.

Каким же образом гендер способствует рождению и распространению национализма?

Основная теоретическая посылка гендерного анализа национализма – которую я разделяю – заключается в том, что гендерный и национальный дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Отмеченные выше черты дискурса национализма обеспечиваются в том числе и гендерным дискурсом; в свою очередь, гендерный порядок невозможен без дискурса национализма. Процесс репрезентации нации при помощи женских или мужских образов – это отнюдь не случайность или поэтическая вольность; он отражает принципиальные закономерности функционирования как национального, так и гендерного дискурсов. Конституирование именно национального сообщества – очевидно, в большей степени, чем любого иного – предполагает обращение к гендерному дискурсу. В первом параграфе были рассмотрены общие причины включения гендерного дискурса в идентификационные стратегии различных сообществ. Теперь нам предстоит выделить те специфические факторы, которые обуславливают переплетение гендерного дискурса и дискурса национализма. Прежде всего, важной функцией гендерного дискурса в национализме является «очеловечивание» нации, приближение ее к повседневному опыту индивида.¹²⁰

Абстрактный общественный долг приобретает облик поэтически очеловеченной, зовущей на подвиг Родины-матери, государственная служба уподобляется служению 'отцу'-Отечеству, и эти отвлеченные общественные обязанности становятся понятны с простой человеческой точки зрения, применимы к масштабу одной жизни, сопоставимы с размерами личной памяти, с опытом детства и юности, с ценностями частного, индивидуального существования.¹²¹

Кроме того, напомним, что сама идея национального сообщества выражает отношения родства. Аналогия с семьей – это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Как уже было отмечено, значимость идеи родства и семейной метафоры для национализма по-

¹²⁰ Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*.

¹²¹ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001, <http://www.rus-lang.com/education/discipline/PR/sl/> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

лучила освещение в академической литературе. В рамках же гендерных исследований акцентировано внимание на том, что тем самым нация представлена в качестве некой формы взаимодействия мужского и женского начал¹²² (потому в репрезентации нации активно используются такие атрибуты мифологии семьи, как картины совместного ведения хозяйства, обеспечения защиты и питания, рождения и воспитания потомства и др.). Концепты территории, государства, подданных облекаются в образы «матери», «сыновей», «братьев» и т. д. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании «натуральности», природности национального сообщества.¹²³ Эссенциализация, которая имплицитно содержится в картине отношений между полами, переносится и на отношение к национальному сообществу: обращение к гендерным метафорам как бы снимает все вопросы при рефлексии по поводу национального чувства или межнациональных отношений.¹²⁴

Очевидно, представления о стране как союзе двух начал, мужского и женского, берут начало в идее иерогамии – священного брака Правителя и Земли. Метафора брака правителя и его мистического тела известна и на Древнем Востоке, и в античном мире, и в средневековье;¹²⁵ проекцией идеи иерогамии на религиозные представления стал, как отмечает К. Юнг, миф о священной свадьбе Жениха Христа и Невесты Церкви.¹²⁶

¹²² McClintock A. «No Longer in a Future Heaven». P. 262; Blom I. Op. cit. P. 8; Wenk S. Gendered Representations of the Nation's Past and Future // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) Op. cit. P. 66.

¹²³ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 54.

¹²⁴ Anderson B. Op. cit. P. 133.

¹²⁵ Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology. Princeton, 1957. P. 212.

¹²⁶ Юнг К.-Г. Душа и миф. Киев, 1996. С. 130. Идея иерогамии остается востребованной в дальнейшем – например, в идеологических конструкциях нацистской Германии. Фюрер как жених Германии, немецкого народа – мысль, которая, появившись в «Майн Кампф», затем активно используется в фашистской пропаганде (Гитлер А. Моя борьба. Б.м., 1992. С. 292; Bluel H.P. Sex and Society in Nazi Germany. Philadelphia; New York, 1973. P. 203). Отзвуки воззрений о священном браке Правителя и Земли обнаруживают себя в представлениях о государстве как воплощении мужского начала и о подданных – как воплощении женского (другой вариант – атрибутирование правящему классу маскулинных черт, а подчиненному – фемининных. (См., напр.: Герцен А.И. Prolegomena // Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 517)).

В качестве модуса этой идеи можно рассматривать представления о родине и отечестве как двух ипостасях нации. Так, согласно исследованиям дискурсивных практик сербского национализма, первая ассоциируется с пассивным, восприимчивым и уязвимым началом, в то время как второе – с началом активным, с правительством, с военными акциями.¹²⁷ Оппозиция «Родина – Отечество» становится предметом рефлексии и на страницах сочинений российских авторов, например Г. Федотова. К текстам этого философа мы еще вернемся; сейчас лишь отметим, что в них «Отечество» (отцовское начало нации) соотнесено скорее с политической и потому публичной составляющей (история, политическая сфера, идеология, рациональное), «Родина» (материнское начало нации) – скорее с этнической и потому приватной («земля», природа, язык, коллективное бессознательное, иррациональное).¹²⁸

Подобная этнизация фемининного обнаруживает себя и в аллегориях нации. По мнению Дж. Моссе, в XIX–XX вв. главным национальным символом был мужчина, ибо именно мужчина воплощал качества, которые в империалистическую эпоху обретают особую ценность: самоконтроль, волю, динамизм, агрессивность. Женские образы были призваны персонифицировать другую сторону национальной жизни – нечто незыблемое, те вечные ценности, которые противостоят «современной порочной цивилизации»; одно из проявлений этого исследователь усматривает в том, что если символизирующие страну мужчины были облачены в современный костюм (например, Джон Буль в Англии), то женщины – символы страны были представлены в античных (например, «Брита-

---

¹²⁷ Mostov J. Sexing the Nation / Desexing the Body: Politics of National Identity in the Former Yugoslavia // T. Mayer (Ed.) Gender Ironies of Nationalism: Sexing the Nation. London; New York, 2000. P. 91.

¹²⁸ Напр.: «От матери ребенок слышит первые слова на родном 'материнском' языке, народные песни и сказки, первые уроки религии и жизненного поведения. Отец вводит отрока в хозяйственный и политический мир: делает его работником, гражданином, воином. Разделение между рациональным и иррациональным содержанием культуры до известной степени совпадает с различием материнского и отцовского в родовой и национальной жизни. <...> Не совершая насилия над русским языком, легко убедиться, что отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать с матерью-землей» (Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: (Избр. ст. по философии русской истории и культуры): В 2 т. СПб., 1991. Т. 2. С. 252).

ния») или средневековых (например, «Германия») одеяниях.¹²⁹ По оценке Л. Эдмондсон, изображение нации как женщины культивировалось с конца XVIII – начала XIX в. для того, чтобы представить собственную нацию легитимной наследницей древней традиции.¹³⁰

Таким образом, «пол» национального символа отражает важные стороны репрезентаций наций.¹³¹ Наиболее древней аллегорией нации является «Британия». Визуализация «Британии» берет начало еще с изображений на римских монетах времен императоров Адриана и Антонина Пия.¹³² «Британия» портретировалась как молодая женщина, облаченная в римский шлем и тогу, с обнаженной правой грудью. Обычно она изображалась сидящей на скале, опиравшейся спиной на щит и держащей в руке копье. Важнейшим символом нации «Британия» становится в XVII в. В викторианской Англии она символизирует превосходство Британской империи на морях, поэтому отныне в ее руках трезубец Посейдона, а у ног – британский лев, еще один национальный символ.¹³³

Сходством с «Британией» отмечены национальные символы Швеции («Мать Свея»), Швейцарии («Гельвеция»), Ирландии («Иберния»), история которых восходит к XVII в.¹³⁴

К середине XVIII в. относится первое упоминание о женском символе Исландии – «Женщина гор» (Fjallkonan). Данный образ опирается на предания о прошлом Исландии, закрепленные в сагах.¹³⁵

¹²⁹ Mosse G.L. *Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe*. New York, 1985. P. 23, 64. Подобные закономерности отмечают и другие авторы: McClintock A. *Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Conquest*. New York, 1995; Blom I. *Op. cit.* P. 14.

¹³⁰ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 135–136.

¹³¹ Yuval-Davis N. *Nationalism, Feminism, and Gender Relations*. P. 128.

¹³² Warner M. *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form*. New York, 1985.

¹³³ <http://en.wikipedia.org/wiki/Britannia> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹³⁴ Hunt T.L. *Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England*. Aldershot; Burlington, 2003. P. 67; Douglas R., Harte L., O'Hara J. *Drawing Conclusions: A Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798–1998*. Belfast, 1998. P. 67, 135. Известен и другой женский образ Ирландии – «Мать Ирландия» (Yuval-Davis N. *Nationalism, Feminism, and Gender Relations*. P. 128).

¹³⁵ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 148. Зафиксируем также мысль британской исследовательницы об определенном сходстве исландского национального дискурса с русским: нация, Исландия, представлена в нем как мать и правительница, а датский король – как отец, что напоминает иерархические отношения властной, но вместе с тем подчиненной Матушки-Руси с царем – ее мужем (Там же).

«Германия» как мать всех немецких земель начиная с эпохи Романтизма символизирует интеграционные процессы в Германии. В качестве персонификации единой германской нации она ассоциируется и с революцией 1848 г., и с созданием Германской империи.¹³⁶ Известны материнские образы Болгарии, Сербии, Хорватии, Индии, Украины.¹³⁷

Материнство – не единственная ипостась фемининного, мобилизованная дискурсом национализма. Исследуя образ нации как «Девы», Л. Эдмондсон отмечает, что во многих случаях подобная иконография имела религиозные корни. Так, традиция воспринимать Деву Марию как покровительницу Испании прослеживается начиная с XVI в.; этот образ активно эксплуатировался режимом Ф. Франко после победы над «безбожными республиканцами». Покровительницей Польши считалась Дева, символизируемая Черной Мадонной Ченстоховой; после разделов Польши символом нации стала фигура мученицы Полонии.¹³⁸ Похожий образ использовался в венгерском национализме.¹³⁹ «Юная Дева Косова» символизировала героическую и трагическую судьбу сербов после

¹³⁶ Herminhouse P., Mueller M. Looking for Germania: Introduction // P. Herminhouse, M. Mueller (Eds.) Gender and Germanness: Cultural Productions of Nation. Providence, 1997. Имперский статус страны были призваны отразить скульптурные изображения новой «Германии», созданные в 1870–1880-х гг., наиболее известным из которых является Нидервальдский монумент (Там же. Р. 6).

¹³⁷ Образ Матери Болгарии получает распространение в середине XIX в.; бедная Мати Болгария предстает в образе болгарской крестьянки и символизирует печальную судьбу родины (Злыднев В.И. Болгарская литература [первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 506–508). Любопытно, что детьми «Матери Сербии» назывались не только сербы, но и отдельные части «сербского этнического пространства»; так, дочерьми Матери Сербии становятся Республика Сербская и Черногория (Čolović I. The Politics of Symbol in Serbia: Essays in Political Anthropology. London, 2002. P. 32–33). В период балканских войн 1990-х гг. появляется поэма «Мать Хорватия» (Там же. Р. 55). Широко известен образ Матери Индии, особенно после выхода одноименного фильма в 1957 г. (Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations. P. 128; Blom I. Op. cit. P. 8). Высказывается мнение, что уже в XVI в. формируется образ Украины как «пышнотелой крестьянки в венке», «живучей» и «плодовитой» – образ тела-земли, матери-природы, порождающей и питающей и человека, и животных (см.: Журженко Т. Старая идеология новой семьи: Демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. М., 2004. Кн. 2. С. 285).

¹³⁸ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 146–147.

¹³⁹ Weaver E.B. Madonna Crucified: A Semiotics of Motherland Imagery in Hungary // Slovo. Vol. 14 (2002).

поражения в битве на Косовом поле в 1389 г.¹⁴⁰ Скорее как Дева, олицетворяющая Свободу, представлена и «Колумбия» – еще один знаменитый женский образ, достигающий известности во второй половине XVIII в.¹⁴¹ С конца XIX в. Финляндия также была представлена в облике светской, земной девушки (Suomi-neito), символизирующей молодость и силу поднимающейся нации в ее противостоянии с имперской Матерью-Россией. Данный образ Финляндии, очевидно, вытеснил более ранний, материнский.¹⁴²

Наконец, нация может принять облик возлюбленной, жены, невесты. Здесь особый интерес представляет другая известнейшая аллегория нации – «Марианна». Образ, по всей вероятности, позаимствован с изображений Свободы на римских монетах, а имя было взято, видимо, из новеллы П. Мариво (конец XVIII в.).¹⁴³ Прежде всего, следует отметить, что в дореволюционный период Франция изображалась как супруга короля, что было призвано визуализировать идею иерогамии.¹⁴⁴ Образ Марианны первоначально символизировал не Францию, а Республику: женские персонификации республиканских ценностей замещали сакральное тело короля; тем самым его бессмертие и легитимность переходили новой власти.¹⁴⁵ Изменения в национальном образе в период падения монархии символизировали утверждение мужества взрослого народа, сбросившего бремя отцовской власти монарха и относящегося теперь к государству не как к отцу, которому нужно повиноваться, но как к супруге, которой нужно восхищаться.¹⁴⁶ Идея о том, что новый гражданин – не ребенок, но муж нации, рассматривается в работах Дж. Ландэ. Мужчин поощряют любить нацию, как муж любит жену; не король, а каждый гражданин становится ее возлюбленным.¹⁴⁷ Патриотическая любовь

¹⁴⁰ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 147.

¹⁴¹ Первоначально Колумбия как аллегория Америки была индейской женщиной, символизирующей плодородие новых земель; см. рисунок автора начала XVII в., на котором Америка изображена в виде обнаженной туземной женщины (Hall S. *The West and the Rest*. P. 303).

¹⁴² Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 147.

¹⁴³ См.: McCrone D. *Op. cit.* P. 46.

¹⁴⁴ Landes J.B. *Visualizing the Nation*. P. 143.

¹⁴⁵ Wenk S. *Op. cit.* P. 69–72.

¹⁴⁶ См.: McCrone D. *Op. cit.* P. 46.

¹⁴⁷ Landes J.B. *Republican Citizenship and Heterosocial Desire: Concepts of Masculinity in Revolutionary France* // S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh (Eds.) *Op. cit.*

понимается теперь как эрос, как желание, как страсть, а не только как публичный долг; не удивительно, что «Марианна» в революционной традиции изображается подчеркнуто эротично.¹⁴⁸ Изображение нации в виде обнаженной женщины – это к тому же знак возвращения ее к «естественному состоянию».¹⁴⁹

Анализируя национальные аллегории, необходимо также принимать во внимание, что каждый из этих символов, помимо «магистральной» интерпретации, получает – в различные периоды истории и в различных дискурсах – ряд дополнительных. Например, «Марианна» со временем приобретает черты «матери всей нации»; в Третьем рейхе «Германия» трактовалась скорее как дева и поэтому не пользовалась популярностью – в качестве же идеала арийского материнства позиционировалась королева Луиза Прусская.¹⁵⁰

Теперь нам предстоит ответить на вопрос, какое влияние отмеченное переплетение гендерного и национального дискурсов, отраженное в том числе в национальной символике, оказывает на гендерный порядок общества. Очевидно, если бы не было национализма, то не существовало бы и мужчин и женщин в их современном варианте. Если национализм имеет сходство с религией, то сложно представить себе в секулярный век более эффективный фактор легитимации социальной системы, включая и гендерный порядок. Ценность национальной сферы для персональной идентичности человека эпохи Модерности создает особый эмоциональный фон для восприятия «посланий», содержащихся в дискурсе национализма. Соответственно, нормативность гендерных характеристик далеко не в последнюю очередь обосновывается тем, что *такая* мужественность или *такая* женственность полезны для нации. Нация, таким образом, натурализует конструкции маскулинности и феминности.¹⁵¹

Р. 111. Хотя в дискурсе Просвещения высказывалась и идея о том, что любовь к родине, патриотизм, подобна любви к матери (например, Ж.Ж. Руссо – см.: Там же. Р. 109).

¹⁴⁸ Landes J.B. Visualizing the Nation. P. 143–145 (например, на известной работе Л.С. Буазо «Республиканская Франция», 1789 (Там же. Р. 152)).

¹⁴⁹ Там же. Р. 142.

¹⁵⁰ Mosse G.L. Nationalism and Sexuality. P. 91, 160.

¹⁵¹ Mostov J. Op. cit. P. 89.

Дискурс национализма представляет собой один из важнейших ресурсов создания мужественности. Прежде всего, ценности национализма – автономия, рациональность, агрессивность, решительность вплоть до готовности проливать кровь – коррелируют с теми чертами, которые в эпоху Модерности предписываются мужчинам. Далее, горизонтальность национального сообщества в дискурсе национализма приобретает форму «мужского братства».¹⁵² Кроме того, национальный дискурс апеллирует к гендерной идентичности мужчины: настоящий мужчина должен иметь независимую нацию, в которой должен быть установлен определенный гендерный порядок.¹⁵³ Иными словами, воедино связываются нормы гендерные и нормы национальные: если ты настоящий мужчина, то ты националист; если же ты не отвечаешь критериям национализма, то становишься Чужим не только в политическом отношении – при помощи различных дискурсивных практик под сомнение ставится и твое качество быть «настоящим мужчиной». Национализм, таким образом, является важнейшим ресурсом в конкуренции маскулинностей, оказывая серьезное влияние на определение гегемонной и маргинальных маскулинностей. В частности, определение гетеросексуальности как нормы обосновывается при помощи того аргумента, что гомосексуальность представляет собой угрозу и космологическому порядку вещей, и воспроизводству нации – как биологическому, так и символическому.¹⁵⁴

Каноны женственности также корректируются национальным дискурсом; «именем нации» устанавливается, что именно считать подлинной женственностью. Национальная мифология оперирует образами мужественности и женственности, которые по преимуществу соответствуют традиционным гендерным ролям. Например, образ нации как семьи воспроизводит разделение сфер на мужскую публичную и женскую при-

¹⁵² Anderson B. Op. cit. P. 7; Mosse G.L. Nationalism and Sexuality. P. 86; Mayer T. Introduction // T. Mayer (Ed.) Op. cit. P. 10.

¹⁵³ Spike Peterson V. Sexing Political Identities / Nationalism as Heterosexism // S. Ranchod-Nilsson, M.A. Tetreault (Eds.) Women, States and Nationalism: At Home in the Nation? Routledge, 2000. О том, как культ «крутого мужчины» связывается с национализмом в постсоветский период, см.: Жеребкин С. Мужские и женские фантазии: Политики сексуальности в постсоветской национальной литературе // Гендерные исследования. № 3 (1999).

¹⁵⁴ Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

ватную, придавая такому делению дополнительную легитимность.¹⁵⁵ Эти роли закрепляются и аллегориями нации. Так, образ родины как матери включается в обращенные к реальным женщинам призывы быть матерями будущих воинов, определяя материнство в качестве естественного предназначения и главной жизненной цели женщины.¹⁵⁶ Кроме того, в центр такого рода символики помещается картина отношения «сынов» к матери-родине; «дочери» же отодвигаются на второй план. Поэтому в феминистской литературе высказывается мысль о том, что материнский образ нации и реальный статус женщины часто имеют мало общего.¹⁵⁷

Взаимоотношения между национализмом и феминизмом достаточно сложные. Как отметили Н. Ювал-Дэвис и Ф. Антиас, от национализма могут получать выгоду не только мужчины, но и женщины.¹⁵⁸ Национализм и феминизм могут выступать в роли союзников, прежде всего, в рамках антиколониальной борьбы в странах Третьего мира; среди атрибутов национализма здесь – образ освобожденной женщины как один из символов прогресса.¹⁵⁹

Вместе с тем, феминизм и национализм рассматривают друг друга как конкурентов. Феминизм может объявляться изобретением Врага, чуждым национальным традициям и губительным для нации.¹⁶⁰ Поэтому в дискурсе национализма, особенно во время мобилизационных процессов, феминизм нередко трактуют как идеологию, направленную против материнства и потому расценивают как «национальную измену». Дом рассматривается в качестве «первой линии обороны нации».¹⁶¹ Соответ-

¹⁵⁵ Женщины конструируются как символическое воплощение нации, но при этом исключаются из ее политической жизни (McClintock A. «No Longer in a Future Heaven». P. 260).

¹⁵⁶ Darrow M.H. French Women and the First World War: War Stories of the Home Front. Oxford; New York, 2000. P. 24.

¹⁵⁷ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 152. Встречаются и более жесткие оценки, например: «Поскольку нация и гендер исторически связаны, постольку проблема патриархата не может быть решена без решения проблемы нации. Нация есть и его строительный материал, и важнейший инструмент, и его функция и условие» (Iveković R., Mostov J. Introduction // R. Iveković, J. Mostov (Eds.) From Gender to Nation. Ravenna, 2002. P. 22–23).

¹⁵⁸ См.: Steans J. Op. cit. P. 68.

¹⁵⁹ Первое исследование этой проблемы принадлежит К. Джайявардене (1986) (см.: Blom I. Op. cit. P. 5–6).

¹⁶⁰ Mayer T. Op. cit. P. 11.

¹⁶¹ Davin A. Imperialism and Motherhood // History Workshop: A Journal of Socialist Historians. No 5. (1978). P. 29.

ственно, женщины, которые отказываются быть матерями или имеют детей от представителей других наций, становятся потенциальными врагами нации, ее предателями.¹⁶²

Проиллюстрируем переплетение политического, национального и гендерного дискурсов материалом американского национализма периода Холодной войны. С одной стороны, гегемонная американская маскулинность в качестве необходимого элемента включала в себя антикоммунизм. С другой стороны, частью идентификационных стратегий американизма этого периода являлась гомофобия. Достаточно подробно исследован вопрос о том, что пресловутая «охота за ведьмами» сенатора Дж. Маккарти ассоциировалась с борьбой не только против коммунизма, внешнего и внутреннего, но и против зачастую связываемого с ним гомосексуализма.¹⁶³ Гетеросексуальное же поведение, согласно общепринятым взглядам того времени, должно было иметь кульминацией брак, который рассматривался как доказательство «зрелости» и «ответственности». Э. Мэй отмечает, что мужа, особенно отца, носили знак «семейного мужчины» как свидетельство и мужества, и патриотизма.¹⁶⁴ Соответственно, к тем женщинам, которые не подчинялись идеалу семейной жизни, крестоносцы антикоммунизма относились с подозрением: самостоятельные американки в каком-то смысле не американки (un-American).¹⁶⁵ Иными словами, быть домашними означало для женщин выполнять национальный долг.¹⁶⁶

Следующий элемент дискурса национализма – это образ Другого. Уже отмечалось, что гендер выступает в качестве эффективнейшего диакритического элемента, маркера. Матери, жены и дочери обозначают пространство национального сообщества; как маркеры собственности нации, они требуют защиты и покровительства со стороны патриотиче-

---

¹⁶² Mostov J. Op. cit. P. 91.

¹⁶³ May E.T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. New York, 1988. P. 94–95; De Hart J.S. *Containment at Home: Gender, Sexuality, and National Identity in Cold War America* // P.J. Kuznick, J. Gilber (Eds.) *Rethinking Cold War Culture*. Washington, 2000. P. 128; Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 55.

¹⁶⁴ May E.T. Op. cit. P. 98.

¹⁶⁵ Там же. P. 19.

¹⁶⁶ Там же. P. 102.

ских сынов.¹⁶⁷ Роль женщин как маркеров, символических пограничников обуславливает те требования, которые национализм предъявляет им во имя чистоты, этнической и культурной гомогенности нации: только чистые и непорочные женщины могут воспроизводить чистую нацию.¹⁶⁸ Принимая это во внимание, легко понять, почему женщины становятся объектом контроля не только в аспекте деторождения, но и в плане достойного репродуктивного поведения, пишет Н. Ювал-Дэвис. Например, это касается сексуальных отношений с членами других этнических групп.¹⁶⁹ Национализм, таким образом, политизирует женскую сексуальность.¹⁷⁰ В связи с этим говорят о «бремени репрезентаций», которое возлагается на женщин как носителей коллективной чести и символа нации.¹⁷¹

Использование гендерного дискурса для установления символических границ между сообществами, для конструирования их идентичности и выстраивания отношений с Чужими, внешними и внутренними – это практика, достаточно распространенная в различных географических ареалах и в различные периоды истории. Тенденция инаковизации Другого при помощи гендерных (и сексуальных) характеристик обнаруживает себя уже в концепте варвара, занимавшем важное место в античной культуре.¹⁷² Образ Чужих, маркируя границы сообщества Своих и тем самым определяя девиацию, принимает активное участие в определении нормы, равно как и в конструировании коллективной идентичности. Образы мужественности и женственности Чужих оказывают влияние на содержание и оценку гендерных моделей собственной культуры. Именно

---

¹⁶⁷ Iveković R., Mostov J. Op. cit. P. 10.

¹⁶⁸ Mayer T. Op. cit. P. 7–10.

¹⁶⁹ См.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 208.

¹⁷⁰ См.: Manzo K. Op. cit. P. 45. Подчеркнем, что именно женщины призваны хранить чистоту нации. Например, связь норвежской девушки и германского мужчины в Норвегии, оккупированной во время Второй мировой войны, осуждалась гораздо более жестко, чем связь норвежского мужчины и германской девушки (см.: Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*).

¹⁷¹ Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 45; см. также: Spike Peterson V. *Gendered Nationalism: Reproducing «Us» versus «Them»* // L.A. Lorentzen, J. Turpin (Eds.) *The Women and War Reader*. New York, 1998.

¹⁷² Davies M.W., Nandy A., Sardar Z. *Barbaric Others: A Manifesto on Western Racism*. London; Boulder, 1993. P. 28.

поэтому, заметим, гендерные характеристики внешних и внутренних Чужих нередко оказываются схожими.

Выше уже шла речь о роли образов коммунистического Другого в определении гендерного порядка американского общества периода Холодной войны.¹⁷³ Образ Другого, в том числе в его гендерном измерении, активно используется в современном украинском национализме для конструирования национальной идентичности. Т. Журженко пишет о том, что

украинская женщина репрезентирована в современном политическом дискурсе как 'другая', отличная от западной, благодаря своему 'природному' альтруизму, преданности, прежде всего интересам семьи и нации. С другой стороны, украинская женщина представлена одновременно как... менее ограниченная патриархальными нормами и институтами по сравнению с российской женщиной. Таким образом, образ Украины как нации, 'исторически' высоко оценивающей женщину, семью и материнство, противопоставляется 'патриархальной' империалистической России.¹⁷⁴

Дискурсивный анализ международных отношений также показывает широкое вовлечение гендерных образов во внешнюю политику для того, чтобы легитимировать одни точки зрения и дискредитировать другие.¹⁷⁵ Соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности, чем объясняется использование в дискурсе международных отношений гендерных и сексуальных метафор, актуализирующих самые разнообразные аспекты взаимоотношений полов. В свою очередь, международные отношения – это дискурсивное пространство производства гендерного порядка.¹⁷⁶ Сама историческая конструкция государства репрезентирует маскулинную модель.¹⁷⁷ Образ политика, как правило, ассоциирован на Западе с элитарными белыми

¹⁷³ См. подробнее: Рябов О.В. «Красный кошмар»: Репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946–1963) // *Семья: между насилием и толерантностью* / Под ред. М.А. Литовской, О.В. Шабуровой. Екатеринбург, 2005.

¹⁷⁴ Журженко Т. Указ соч. С. 294.

¹⁷⁵ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 53.

¹⁷⁶ Hooper C. *Manly States*. P. 115.

¹⁷⁷ В феминистских исследованиях подчеркивается андроцентризм государства как института (Verdery K. *From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe* // *East European Politics and Societies*. 1994. Spring. Vol. 8. No 2. P. 243) и отмечается, что репрезентации женщин как жен и матерей по преимуществу вносят вклад в ограничение их гражданских прав (Steans J. *Op. cit.* P. 68).

мужчинами и репрезентациями гегемонной маскулинности.¹⁷⁸ Маскулинизации международных отношений служит и традиция персонифицировать государства при помощи образов государственных деятелей, в результате чего отношения между нациями принимают вид отношений между мужчинами.¹⁷⁹ Порой репрезентации мировой политики напоминают мыльные оперы со своим набором «хороших и плохих парней».¹⁸⁰

Межнациональные и международные отношения включены в более широкий контекст – в межкультурные (межцивилизационные) отношения. Очевидно, в современном мире некоторые культуры «равнее других», что отчетливо проявляется в глобализационных процессах.¹⁸¹ Подобная асимметричность развития различных культур породила тот феномен, который, на мой взгляд, лучше всего отражен в названии известной работы С. Холла «Запад и Все Остальное: Дискурс и власть».¹⁸²

В последнее время особый интерес вызывает роль знания в межкультурном взаимодействии. Критический анализ «глобальной гегемонии западного социально-гуманитарного знания, то есть производства, публикации, распространения и потребления информации и идей»,¹⁸³ был предложен в постколониальных исследованиях, предметом анализа которых является характер взаимодействия между культурами в современную эпоху. В качестве одной из форм такого взаимодействия интерпретируется и феминизм; собственно, и сам дискурс гендерных исследований может быть рассмотрен в рамках понимания фемининности в

---

¹⁷⁸ Tickner J.A. *Gender in International Relations*. New York, 1992. P. 54.

¹⁷⁹ Cohn C. *Op. cit.* P. 239–241.

¹⁸⁰ Hooper C. *Manly States*. P. 88. Ряд авторов интерпретирует дебаты между реалистами и либералами, представителями основных парадигм в теории международных отношений, в качестве формы конкуренции маскулинностей. Так, реализм рассматривают как воплощение гегемонной маскулинности элитарных белых мужчин. Воспеваемый здесь образ воина считается моделью поведения государств; иконой реализма выступают Джеймс Бонд и герои Джона Вэйна. Среди высших ценностей – власть, автономия, объективность, рациональность. Либерализм же расценивается как позиция неудавшихся, несостоятельных мужчин (Tickner J.A. *Gender in International Relations*. P. 14; Hooper C. *Manly States*. P. 96, 103).

¹⁸¹ Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2.

¹⁸² Hall S. *The West and the Rest*.

¹⁸³ Mohanty C.T. *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses* // A. McClintock, A. Mufti, E. Shohat (Eds.) *Dangerous Liaisons: Gender, Nation, and Postcolonial Perspectives*. Minneapolis, 1997. P. 255.

качестве поля конкурирующих дискурсов. В «феминизме Третьего мира» (развивающемся в интенсивном диалоге с постколониальными исследованиями) был поставлен вопрос о том, что представления о патриархате, сформулированные в либеральном феминизме, отражают лишь перспективу «белой женщины среднего класса» западного мира.¹⁸⁴ Между тем им присваивается статус универсальных, а все прочие подходы в таком «режиме истины» маргинализируются. Это фактически означает «дискурсивную колонизацию» западными феминистками бытия женщин не-западных стран. По оценке Э. Макклиток, западно-центристский феминизм объявил гендерный конфликт приоритетней всякого другого,¹⁸⁵ игнорируя взаимоотношения между гендером, классом и расой. Подобный «пангендеризм» фактически затушевывает другие виды неравенств и асимметрий современного мира, хотя в эксплуатации женщин «периферии» принимают участие не только мужчины «периферии», но и женщины «центра». Кроме того, такая трактовка патриархата позволяет западным женщинам репрезентировать себя как образованных, современных, обладающих свободой принимать собственные решения и контролирующих свои тела и свою сексуальность.¹⁸⁶ Определяя иерархию фемининностей, Запад (пусть своим только «женским лицом») выступает в качестве всеобщего референта. Есть лишь один универсальный критерий того, какими должны быть гендерные отношения в обществе, – и кто этому критерию соответствует в наибольшей степени, догадаться несложно.

Время появления постколониальных исследований обычно возводят к публикации труда Э. Саида «Ориентализм»,¹⁸⁷ в котором был предложен новый способ концептуализации истории отношений между Востоком и Западом. Ориентализм понимается как дискурс эпохи Модерности, в котором знания Запада о Востоке связаны с доминированием над последним. Используя идею М. Фуко о том, что все формы знания есть производство власти (конституирование чего-то или кого-то как объекта знания предполагает узурпацию власти над ним), Э. Саид вы-

¹⁸⁴ Там же. P. 256; M.J. Collier (Ed.) *Constituting Cultural Difference Through Discourse*. Thousand Oaks, 2001. P. 19.

¹⁸⁵ McClintock A. *Imperial Leather*. P. 7.

¹⁸⁶ Mohanty C.T. *Op. cit.* P. 256.

¹⁸⁷ Said E. *Op. cit.*

двинул тезис о том, что репрезентации Востока, производимые данным дискурсом, были востребованы для того, чтобы определить природу Востока и восточного как низшую и отличную от Запада, во-первых, и легитимировать западное управление им, во-вторых.¹⁸⁸

Среди ключевых элементов ориентализма – убеждение, что Запад способен понимать Восток, представлять его интересы и управлять им лучше, чем это делает или мог бы сделать сам Восток.¹⁸⁹ Запад при этом трактуется в качестве универсального референта: есть только одна модель, все остальное репрезентируется как девиация. Восток оценивается в терминах «отсталости» и «недоразвитости»; его настоящее – это прошлое Запада. Среди тех функций, которые выполняет ориентализм, отметим, во-первых, его роль в конструировании идентичности Запада. «Запад» есть отрицание восточности; внутренние Чужие Запада, напротив, подвергаются ориентализации. Помимо прямого отождествления этих социальных групп с «восточными дикарями», им приписываются те же леность, чувственность, иррациональность, хаотичность, недостаток самоконтроля и др.¹⁹⁰ Во-вторых, ориентализм помогает установить и поддерживать власть над Востоком за счет репрезентаций данной культуры как низшей и неспособной к самоуправлению. Амбивалентность Другого обуславливает и то восхищение, которое нередко вызывает экзотический Восток; однако «хорошая» сторона стереотипа Другого, «благородного дикаря», неразрывно связана с его «плохой» стороной.¹⁹¹

Со времени выхода в свет работы Э. Саида прошло четверть века; за это время она приобрела значительное влияние – несмотря на то, что многие ее положения подвергаются критике.¹⁹² Выявив черты ориента-

---

¹⁸⁸ Lewis R. *Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation*. London; New York, 1996. P. 23.

¹⁸⁹ Там же. P. 16.

¹⁹⁰ Hall S. *The West and the Rest*. P. 280. Скажем, так в британской прессе XIX в. портретировались ирландцы (Pickering M. *Stereotyping: The Politics of Representation*. Houndmills; New York, 2001. P. 142–144).

¹⁹¹ Hall S. *The West and the Rest*. P. 309.

¹⁹² Так, ставилась под сомнение правомерность генерализаций, сделанных исследователем на основе отношения к Востоку лишь в британской и французской культурах. Критику вызывали и недостаточный учет социального и экономического контекста, и известная эссенциализация характера взаимодействия двух цивилизаций, и игнорирование существования гибридных форм в самих восточных культурах, и недооценка дискретного характера ориентализма, который функционирует в виде множества ориенталистских дискурсов

лизма как продукта колониальной эпохи, исследователи отмечают, что тот не просто сохраняется в отношении Запада к прежнему Востоку, но воспроизводит себя в новых формах. Так, любопытной представляется модификация ориенталистских паттернов в условиях униполярного мира. В культуре США идет формирование нового «Запада» и нового «Востока»: американские репрезентации Европы следуют классическим образцам ориентализма.¹⁹³ Все культуры, включая европейские, рассматриваются сквозь призму американского опыта, который объявляется подлинной вершиной человеческой истории.¹⁹⁴ Понимание прогресса как отрицания восточности, идея движения цивилизации с востока на запад, вдохновлявшие Европу в колониальную эпоху, в полной мере соответствуют этой модификации ориентализма.

Вопрос о гендерных аспектах ориентализма был поставлен уже в труде Э. Саида. Автор подчеркнул, что отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: *homo occidentalis* представлен как мужчина, в то время как для репрезентации восточности используется метафора женственности. Дальнейшие исследования показали, сколь значительна роль гендера в ориентализме.¹⁹⁵ Женственность как «пронзаемость» – классический ориенталистский троп в описании неисследованной земли.¹⁹⁶ Восток ассоциируется с

(например, отмечается, что если бы Э. Саид принял во внимание позицию западных женщин, то его картина западного взгляда на Восток была бы менее унифицированной). Наконец, как «отступничество» от заявленной исследователем приверженности фукианской методологии проинтерпретировали допущение – пусть неявное – существования некоего «подлинного» знания о Востоке, противопоставленного «не-подлинному» (Dobie M. *Foreign Bodies: Gender, Language, and Culture in French Orientalism*. Stanford, 2001; Lewis R. *Op. cit.* P. 67; Kennedy V. *Edward Said: A Critical Introduction*. Oxford; Malden, 2000; Sardar Z. *Orientalism*. Buckingham; Philadelphia, 1999).

¹⁹³ По оценке З. Сардара, в американских фильмах и телесериалах ориентализации подвергаются, например, англичане. Подобно тому, как не-европейский Другой был представлен в свое время опутанным традициями, иррелевантными его действительным потребностям, Лондон теперь репрезентируется как нечто законсервированное в истории (Sardar Z. *Op. cit.* P. 114–115). Архаичный, традиционный, экзотический, он содержит весь набор признаков арабских террористов в сознании западного обывателя, иронизирует исследователь (Там же. P. 4).

¹⁹⁴ Там же. P. 109.

¹⁹⁵ Напр.: Dobie M. *Op. cit.*; Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*; Johnson J.J. *Latin America in Caricature*. Austin, 1980. P. 72–73.

¹⁹⁶ Kennedy V. *Op. cit.* P. 42.

чувственностью, желанием, сексуальным обещанием, приглашая к проникновению и оплодотворению.¹⁹⁷ Так, феминизация Индии и индийских мужчин – одна из дискурсивных практик британского колониализма.¹⁹⁸ Заметим, что важную роль в этом играла идея матрифокальности индуизма; подобная феминизация усиливалась нередко за счет маскулинизации образа индийской женщины – властной, доминирующей, привыкшей контролировать мужчину.¹⁹⁹

Отмеченные функции ориентализма реализуют себя и в гендерном дискурсе. Во-первых, это натурализация и легитимация колониализма. Так, репрезентации индийской культуры как женственной используются для объяснения и оправдания того, что Индия находится под британским управлением.²⁰⁰ Метафора брака между британской мужественностью и индийской женственностью служит «облагораживанию» образа колониального владычества, и истинные интересы британского империализма обретают необходимую респектабельность.²⁰¹ Во-вторых, феминизация Востока конструирует гендерную идентичность Запада – как абсолютно маскулинной культуры: сильной, рациональной, организованной, построенной на принципах права и индивидуализма. Ориентализм, следовательно, определяет гендерные отношения в самой метрополии.²⁰² Так, мужественность эталонного образца британского джентльмена была бы невозможна не только без идеала леди – но и без феминизированной маскулинности, например, бенгальских мужчин.²⁰³

Таким образом, гендерный анализ отношений между культурами обнаруживает отмеченные закономерности гендерной метафоризации, связанные с понятиями андроцентризма и гендерной асимметрии, то есть маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих. Однако, подчерки-

---

¹⁹⁷ Lewis R. Op. cit. P. 5.

¹⁹⁸ Krishnaswamy R. *Effeminism: The Economy of Colonial Desire*. Ann Arbor, 1998. P. 35. По оценке С. Холла, в колониальном дискурсе обычным является соотнесение «дикарей» с женщиной, с ребенком, с природой (Hall S. *The Spectacle of the «Other»* // S. Hall (Ed.) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. Thousand Oaks; New Delhi, 1997); см. также: Caine B., Sluga G. *Gendering European History, 1780–1920*. London; New York, 2000. P. 88–89.

¹⁹⁹ Krishnaswamy R. Op. cit. P. 61.

²⁰⁰ Kennedy V. Op. cit. P. 23.

²⁰¹ Там же. P. 35.

²⁰² Lewis R. Op. cit. P. 14.

²⁰³ Hooper C. *Manly States*. P. 80.

вая эвристический потенциал данных методологических положений, заметим, что именно исследования межкультурного дискурса выявили ограниченность подобного подхода и необходимость дополнений к нему.

Во-первых, должна быть принята во внимание вариативность представлений о маскулинности и фемининности в различных культурах. Культуры – подобно тому как они различаются в производстве материальных благ, в природных условиях, религиозных и политических традициях, языке – различаются и в гендерных порядках, интерпретируя содержание гендерных концептов на свой собственный манер. Скажем, образ могущественной женщины-матери, образы богинь из индуистского пантеона определяли и содержание, и оценку образа Матери-Индии, которая символизировала отнюдь не только жертвенность и страдание.²⁰⁴ Другой пример: в дискурсе Модерности жертвенность маркировалась как фемининная и, плохо согласовываясь с принципом «заботы о себе», расценивалась как девиация; в индийской же культуре ценность философии самоотрицания, напротив, была очень высока и принята как в женском, так и в мужском идеалах.²⁰⁵ Иными словами, в зависимости от системы ценностей, господствующей в культуре, оценка мужественности и женственности будет различной – соответственно, и гендерная метафоризация носит различный характер.

Во-вторых, влияние на гендерную метафоризацию оказывает и пластичность представлений о мужском и женском. Так, оппозиция «телесность – духовность», несущая в себе вполне определенную гендерную маркировку, занимает важное место в ориентализме,²⁰⁶ между тем в ориентализме США Америка была представлена мускулистым, атлетическим, «империалистическим» телом, в то время как Индия была призвана символизировать духовное начало.²⁰⁷ При этом «Колумбия» – женский символ Америки – ассоциировалась с активностью, властью,

²⁰⁴ Blom I. Op. cit. P. 8–9.

²⁰⁵ Там же. P. 10. Более того, даже в рамках западной цивилизации вариативность гендерных норм достаточно очевидна: например, слезы на глазах мужчин средиземноморской и латинской культур не ставят под сомнение их «мачизм» (Hooper C. Manly States. P. 51).

²⁰⁶ Said E. Op. cit. P. 5.

²⁰⁷ Schueller M.J. U.S. Orientalisms: Race, Nation, and Gender in Literature, 1790–1890. Ann Arbor, 1998. P. 5–6.

мощью, стремлением к экспансии, то есть с такими качествами, которые традиционно кодируются как мужские.²⁰⁸

В-третьих, следует учитывать фактор гетерогенности пола. Так, своеобразная иерархия создается внутри маргинализируемых маскулинностей Востока: например, бенгальцы подвергались дискурсивной феминизации в большей степени, чем пуштуны.²⁰⁹ Еще одно положение «мужских исследований» представляется весьма эвристичным: гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «экстремальной» степени развития.²¹⁰ Другими словами, отнюдь не во всех случаях маскулинность, скажем, Терминатора (как стопроцентно рационального, организованного, сильного, бесстрашного) будет являться гегемонной. Отмеченные факторы оказывают влияние и на гендерный дискурс. К примеру, в пропаганде США Южный Вьетнам репрезентировался в фемининных характеристиках (что оправдывало как американское присутствие в этом регионе, так и поражения сайгонского режима от коммунистических соперников), между тем как Северный Вьетнам – в качестве извращенной формы маскулинности.²¹¹ «Мачизм» мексиканцев и «брутальность» афроамериканцев также расцениваются как проявление чрезмерной, а потому маргинальной маскулинности.²¹²

В-четвертых, необходимо принимать во внимание влияние образа Чужого на гендерный порядок общества; в частности, должны быть учтены гибридные формы²¹³ гендерной метафоризации, порожденные делением человечества на «Запад и Все Остальное». Так, исследование Р. Кришнасами посвящено феномену, обозначенному автором как «effeminism». Исследователь показывает, что феминизированный образ мужчины Индии, призванный в британском колониальном дискурсе подчеркнуть неполноценность как самой Индии, так и индийской маскулинности, среди местного населения расценивался иначе. Он воспринимался скорее в качестве той формы индийской мужественности, которая,

---

²⁰⁸ Там же. P. 12.

²⁰⁹ Hooper C. Manly States. P. 71.

²¹⁰ Niva S. Tough and Tender: New World Order Masculinity and the Gulf War // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) Op. cit.

²¹¹ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 53.

²¹² Hooper C. Manly States. P. 55, 71.

²¹³ Bhabha H.K. The Location of Culture. London; New York, 1994.

опираясь на устойчивые традиции индуизма с его андрогинным идеалом мужчины, была призвана стать реальной альтернативой британскому идеалу маскулинности – и тем самым «каждодневной формой сопротивления». ²¹⁴ Данный феномен квалифицируется исследователем в терминах постколониальной теории как «культурная гибридность» и «колониальная мимикрия». ²¹⁵ Подобная аутофеминизация в дискурсе индийского национализма в постколониальный период выражается также в том, что символом индийскости становится женщина; маскулинному Западу приписывается бездуховность и ориентация исключительно на материальный прогресс. ²¹⁶

Подводя итоги параграфа, еще раз отметим, что основные элементы дискурса национализма непосредственно связаны с гендерным дискурсом. Гендерный дискурс позволяет «очеловечить» национальное сообщество, приблизить его к повседневному опыту индивида, обеспечить функционирование «обыкновенного национализма». Аналогия с семьей, включающая восприятие нации как формы взаимодействия мужского и женского начал, является эффективным способом позиционирования этого сообщества как естественного. Кроме того, семейная метафора (равно как и связанная с ней идея иерогамии) выступает тем фактором, который обеспечивает и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя нации. Вера в бессмертие, гарантия от забвения – данные человеческие потребности также реализуются через убежденность в том, что нация представляет собой не механическую совокупность случайных людей, а сообщество, связанное единым происхождением и отношениями родства. Нация – это объект страсти, любви; национализм – это в немалой степени эстетический феномен. Большое значение в связи с этим имеют аллегории нации, позволяющие не только «вообразить» данное сообщество, но и «увидеть» его. Но родина – это и политический феномен; наряду с отечеством она помогает созданию представлений о нации как политическом целом. Подобная целостность поддерживается идеей гомогенности и чистоты, ко-

²¹⁴ Krishnaswamy R. Op. cit. P. 8, 19, 42.

²¹⁵ Там же. P. 9.

²¹⁶ Radhakrishnan R. Nationalism, Gender and the Narrative of Identity // A. Parker, M. Russo, D. Sommer, P. Yaeger (Eds.) Nationalism and Sexualities. London, 1992. P. 84–85.

торая часто ставится в зависимость от чистоты и непорочности женщин. Мужское братство (наряду со свободой и равенством) явилось краеугольным камнем национального сообщества как горизонтального. Гендерные образы, символы и метафоры играют важную роль в проведении границ национального сообщества и в создании образа Чужих. Наконец, еще один ключевой элемент риторики национализма связан с войной.

I. 4. Война и мир в гендерном дискурсе

Мужчины порождают войну –
война порождает мужчин.
*Б. Эренрайх*²¹⁷

Тот факт, что проблеме «гендер и война/мир» в современной литературе уделяется большое внимание, едва ли вызывает удивление: сложно представить себе сферу человеческой жизни, более тесно связанную с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями, чем война. Остановимся на трех основных аспектах данной проблемы: гендерный дискурс как средство военной мобилизации; гендерный дискурс как оружие войны; военный дискурс как ресурс создания и корректировки гендерного порядка.

Война – это, прежде всего, «мужская работа». Считается, что мужчины более агрессивны и чаще прибегают к насильственному решению конфликтных вопросов, в том числе в политической сфере.²¹⁸ Однако объяснять эти различия только биологическими факторами вряд ли продуктивно. Война невозможна без апелляции к гендерной идентичности как мужчин, так и женщин: ее привлекательность связана с тем значением, которое имеет гендерный компонент в структуре идентичности индивида.²¹⁹

Что заставляет человека убивать себе подобных и подвергаться опасности быть убитыми? Логика, лежащая в основе мобилизационного дискурса военной пропаганды, может быть представлена в виде следующей импликации: если ты настоящий мужчина, то ты должен под-

²¹⁷ См.: Hooper C. Manly States. P. 82.

²¹⁸ Goldstein J.S. Op. cit. P. 303; Уолби С. Указ. соч. С. 322–323.

²¹⁹ Goldstein J.S. Op. cit. P. 252.

держивать военные акции и принимать в них активное участие. Апелляция к гендерной идентичности индивида представляет собой элемент дискурса, устанавливающий взаимосвязь между отношением к войне и миру и определенными моделями маскулинности и фемининности. Эта проблема получает яркое освещение в исследовании Дж. Голдстайна. «Гендерная идентичность, – пишет автор, – становится тем орудием, при помощи которого общество ‘уговаривает’ мужчин воевать».²²⁰ В практиках нормализации военной пропаганды быть «настоящим мужчиной» означает быть воином; все же прочие стороны маскулинности расцениваются как нечто второстепенное и маргинальное по отношению к военности. «Война исторически сыграла важнейшую роль в определении того, что значит ‘быть мужчиной’ в эпоху Модерности на символическом, институциональном и телесном уровнях».²²¹ Вместе с тем непосредственно связаны с военной сферой далеко не все маскулинности. Помимо этого следует учитывать, что, по оценке Р. Коннелла, в основе самой военной организации лежит соревнование между двумя формами маскулинности. Одна из них базируется на физическом насилии, но при этом предполагает жесткое подчинение приказам командиров; другая – доминирующая – на организационной компетентности.²²² Военный дискурс, таким образом, представляет собой пространство конкуренции различных форм маскулинности и способ установления их иерархии. Наконец, заслуживает внимания и то обстоятельство, что военный дискурс переплетается не только с гендерным, но и с национальным; иными словами, национализм связывает мужественность с героизмом не просто воина, но того Неизвестного солдата, который отдает жизнь за свою нацию.

Военный дискурс эксплуатирует как позитивную, так и негативную идентичность индивида. С одной стороны, воинское братство – это, пожалуй, наиболее очевидная иллюстрация идеи «горизонтального товарищества», указывающая на гомосоциальность военных сообществ.²²³ С другой стороны, активно используются образы «маменькиных сынков» и

²²⁰ Там же.

²²¹ Hooper C. Manly States. P. 81. Роль военного дискурса в истории маскулинностей рассматривается в работе Дж. Моссе (Mosse G.L. The Image of Man).

²²² См.: Hooper C. Manly States. P. 84.

²²³ Goldstein J. Op. cit. P. 5; Rawls W.H. Wake Up, America! World War I and the American Poster. New York, 1988.

«изнеженных франтов», от которых аудитория пропагандистского дискурса старается максимально отличаться. Прекрасной иллюстрацией здесь служит американский плакат периода Первой мировой войны «По какую сторону окна находишься ты?» (Л. Брэй, 1917).²²⁴ Особую роль в мобилизации гендерной идентичности играют образы женщин, ставящих под сомнение маскулинность тех мужчин, которые уклоняются от выполнения воинского долга перед нацией или ведут себя недостойно на полях сражений.²²⁵

В свое время в феминистской литературе была популярна идея, согласно которой ответственность за ужасы войны целиком должна быть возложена на мужской пол, поскольку по самой своей природе мужчины агрессивны, между тем как женщины миролюбивы. Однако в ряде работ последних лет обращено внимание на то, что подобный подход фактически эссенциализирует гендерные различия. Эту мысль высказывает, например, Э. Тикнер, подчеркивая при этом, что маркировка миролюбия как фемининного укрепляет гендерную иерархию.²²⁶ Еще более парадоксально эта идея сформулирована в работе Дж. Голдстейна: феминизируя мир и маскулинизируя тем самым военную сферу, активистки антивоенного движения работают на войну.²²⁷ Действительно, логика военного дискурса в этом случае может быть и такой: если и только если ты женщина, то ты борешься за мир; если ты мужчина, то ты не женщина. Если же ты борешься за мир, то ты не настоящий мужчина, который должен быть жестким и безжалостным. В статье К. Кон на материале Холодной войны показано, как боязнь политика-мужчины показаться недостаточно жестким, не-мужественным ограничивает возможности принятия оптимального внешнеполитического решения; в итоге политики сами оказываются заложниками эксплуатации гендерной идентичности.²²⁸ Таким образом, обозначение миролюбия как женского (то есть, не-мужского) еще больше дифференцирует войну и мир в гендерном ас-

²²⁴ Brey L. On Which Side of Window Are You? (Rawls W.H. Op. cit.).

²²⁵ Goldstein J. Op. cit. P. 309; см., напр., мобилизационный плакат периода Первой мировой войны «Ты пойдешь сражаться во славу Ирландии – или же это сделать мне?» (For the Glory of Ireland Will You Go or Must I?) (Gallo M. The Poster in History. New York, 2001. P. 158).

²²⁶ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 59–60.

²²⁷ Goldstein J. Op. cit. P. 5.

²²⁸ Cohn C. Op. cit. P. 234–235.

пекте; антивоенная пропаганда женского миролюбия может объективно способствовать укреплению позиции сторонников войны.

Культ героизма, силы и беспощадности как атрибутов мужественности представляет собой одну из важнейших дискурсивных практик, делающих войну привлекательной. Другая же акцентирует внимание на репрезентациях воина как защитника женщин и детей. Такой образ не просто легитимирует участие в войне, но нередко вменяет в обязанность уничтожение человеческих существ.²²⁹ Поэтому образы страданий Своих женщин (или страданий нации, которая символизируется женской, материнской фигурой) в качестве апелляции к гендерной идентичности Своих мужчин широко используются в военном дискурсе.²³⁰ Особый модус подобных репрезентаций связан с созданием картин бесчестья или сексуального насилия, которым Свои женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины. Враг как сексуальный агрессор – постоянно действующий персонаж как в нарративах о судьбах отдельных женщин, так и в репрезентациях обесчещенной родины. Во многих исследованиях отмечается огромный мобилизующий эффект подобных картин.²³¹

Одним из наиболее известных образов в истории военной пропаганды является образ Бельгии, ставшей жертвой германского вторжения в начале Первой мировой войны. На знаменитом плакате «Помни Бельгию» (Э. Янг, 1917) она изображена как обесчещенная девушка.²³² Метафора «изнасилование Бельгии» тем самым становится одним из факторов этой войны. Заметим, что с самого своего возникновения дискурс национализма активно эксплуатирует образ обесчещенной женщины в качестве символа нации (например, в XVIII в. использовались образы

²²⁹ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 57; Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 15.

²³⁰ Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 94. В качестве примера приведем слова Й. Геббельса: «Если кто-нибудь ударит кнутом вашу мать по лицу, разве вы станете его благодарить? Разве он человек? <...> Столько же тяжелых страданий причинил и причиняет еврей нашей матери Германии!» (см.: Райх В. *Психология масс и фашизм*. СПб., 1997. С. 82).

²³¹ Напр.: Keen S. *Op. cit.*; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism*. P. 108; Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 153.

²³² Rawls W.H. *Op. cit.* P. 65. Другие примеры использования метафоры изнасилования в пропаганде Первой мировой войны см.: Mellman B. *Introduction* // B. Mellman. (Ed.) *Borderlines: Genders and Identities in War and Peace*. New York, 1998. P. 10–11.

«изнасилованной Британии» и «изнасилованной Марианны»²³³ Как насильники были представлены Япония и Германия в американской пропаганде Второй мировой войны.²³⁴ Во время Холодной войны в аналогичном облике выступал коммунизм (например, в комиксах, в беллетристике);²³⁵ «изнасилование» – популярная метафора для репрезентаций внешней политики коммунистического Другого в отношении, например, Австрии, Тибета, Чехословакии.²³⁶ Кипр, Кувейт, Сербия – агрессии против этих стран были представлены при помощи аналогичной символики в сравнительно недавнем прошлом;²³⁷ данную метафору используют западные СМИ, характеризуя политику правительства России в Чечне.²³⁸ Угроза сексуальных отношений между белыми южанками и чернокожими мужчинами использовалась для мобилизации сторонников Конфедерации в период Гражданской войны в США.²³⁹ Метафора насилия, в том числе гомосексуального, включается в антииммигрантский дискурс современной Франции; в риторике Ж.-М. Ле Пэна угроза «иностранного вторжения» выражается как «изнасилование нации иммигрантсифилитиками», которые «оскорбляют, бесчестят наших жен, наших дочерей, наших сыновей».²⁴⁰

²³³ Manzo K.A. Op. cit. P. 54; Landes J.B. Visualizing the Nation. P. 167.

²³⁴ Keen S. Op. cit. P. 58.

²³⁵ Barson M., Heller S. Red Scared! The Commie Menace in Propaganda and Popular Culture. San Francisco, 2001. P. 153, 159; Costigliola F. «Unceasing Pressure for Penetration»: Gender, Pathology, and Emotion in George Kennan's Formation of the Cold War // Journal of American History, Vol. 83 (March 1997). P. 1310.

²³⁶ Chapman C., Sayle M. August 21st; the Rape of Czechoslovakia. Philadelphia, 1968; Swerling A. The Rape of Czechoslovakia: Being Two Weeks of Cohabitation with her Soviet Allies, August-September 1968. Cambridge, 1968; Sharp J. Op. cit. P. 193.

²³⁷ Anthias F. Women and Nationalism in Cyprus // N. Yuval-Davis, F. Anthias (Eds.) Woman–Nation–State. New York, 1989. P. 155; Parker A., Russo M., Sommer D., Yaeger P. Introduction // A. Parker, M. Russo, D. Sommer, P. Yaeger (Eds.) Op. cit. P. 6; Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

²³⁸ Хартман Й. Чечня. Изнасилованная страна // Die Welt. 2002. 3 июля, <http://www.inosmi.ru/full/151598.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²³⁹ Eriksen T.H. The sexual life of nations. Подчеркнем, что миф о черном насильнике, не способном контролировать собственную сексуальность, занимает важное место в дискурсе расизма (Дэвис А. Расизм и миф о черном насильнике // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск, 2000).

²⁴⁰ Manzo K.A. Op. cit. P. 54.

Другой вариант репрезентаций Чужих как сексуальной угрозы включает в себя обвинения их в «порче нравов»: распространении порнографии, насаждении проституции, растлении молодежи, разрушении семьи. В облике грязного и настойчивого соблазнителя, проникающего в святая святых домашней безмятежности при помощи рекламы и телевидения, представлен в дискурсе исламской революции в Иране «американский империализм»; нация же изображалась как мать, которую насилует «дядя Сэм».²⁴¹ В нацистской пропаганде в роли растлителей арийских женщин выступали евреи.²⁴² В антикоммунизме такая роль была отведена СССР;²⁴³ в мифологии «коммунистического заговора» важное место занимала идея, согласно которой одним из приемов, позволяющих Москве вербовать сторонников среди молодых людей, являлась пропаганда сексуальной вседозволенности.²⁴⁴ Более того, фундаменталистские течения американского антикоммунизма и усматривали в начале сексуальной революции свидетельство коммунистического проникновения; например, А. Кинси обвиняли в том, что его известный доклад помогает коммунистам.²⁴⁵ Чего стоит хотя бы пассаж из журнала «Христианский антикоммунистический крестовый поход»:

Коммунисты не брезгают никакими методами для достижения своих целей, сколь бы низкими они ни были... Сталин приказал разрушать мораль пропагандой разврата и внедрением ее в сознание школьников и студентов... Для того чтобы помочь воплотить эти идеи в жизнь, несколько лет назад сотни сексуальных преступников, извращенцев и проституток были помещены в один уединенный городок в Польше, чтобы фотографировать их оргии. Были сделаны тысячи снимков. Миллионы отпечатанных фотографий затем были отправлены по морю на корабле из Турции в Мобил, штат Алабама. Эти фотографии или им подобные сегодня отравляют умы несчетного количества юных американцев.²⁴⁶

Другой аспект исследуемой проблемы предполагает анализ дискурса военной пропаганды как оружия войны. Анализируя историю Холодной войны, С. Энлоэ заметила, что послевоенная конфронтация представляла собой множество поединков за определение маскулинно-

---

²⁴¹ См.: Eriksen T.H. The sexual life of nations.

²⁴² Keen S. Op. cit. P. 58.

²⁴³ Рябов О.В. «Красный кошмар».

²⁴⁴ Sharp J. Op. cit. P. 102–103.

²⁴⁵ May E.T. Op. cit. P. 101.

²⁴⁶ Christian Anti-Communism Crusade. 1965. Vol. 5. No 9. P. 2.

сти и фемининности.²⁴⁷ Поскольку гендерный дискурс является формой символического насилия, постольку он становится полем жесткой борьбы: аудитории навязываются представления о том, какие именно модели мужского и женского поведения должны быть признаны эталонными.

Действительно, дискурс военной пропаганды определяет гендерный порядок Своих в качестве нормы, а Чужих – в качестве девиации. Соответственно, Свои – это настоящие мужчины, хотя критерии этой мужественности могут быть различные, и данные различия определяются не только особенностями той или иной культуры, того или иного исторического периода, но и отмеченной контекстуальностью пола, гибкостью, пластичностью содержания самих гендерных концептов, которую пропаганда использует в собственных целях. Превосходство собственной маскулинности эксплицируется через моральные и эстетические преимущества; активно используются каноны телесности.²⁴⁸

Эксплуатация военной пропагандой утверждений о женственной природе Врага – тенденция, достаточно хорошо исследованная. Например, в работах К. Хагеманн показано, что во время наполеоновских войн немецкая нация репрезентировала себя в терминах с маскулинными коннотациями; французская нация, напротив, характеризовалась при помощи качеств, обычно ассоциируемых с женственностью.²⁴⁹

Отсутствие мужества, трусость представляет собой одно из главных обвинений, предъявляемых Врагу. Так, достаточно традиционным, особенно для визуальной пропаганды, является пропагандистский сюжет, когда Свои женщины оказываются сильнее неприятельских мужчин.²⁵⁰ Другой вариант подобной демаскулинизации, обвиняющей Врага

²⁴⁷ Enloe C.H. *The Morning after: Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley, 1993. P. 18–19. Заметим, что это соперничество велось в самых разнообразных формах и на самых различных уровнях. Например, в таком контексте в качестве оружия Холодной войны может рассматриваться кукла Барби, символизирующая американскую женственность и олицетворяющая ценности гендерного порядка американского общества (De Hart J.S. *Op. cit.* P. 127).

²⁴⁸ О роли эстетического компонента в конкуренции маскулинностей см.: Mosse G.L. *The Images of Man*. P. 59–60.

²⁴⁹ Hagemann K. *A Valorous Volk Family: The Nation, the Military, and the Gender Order in Prussia in the Time of the Anti-Napoleonic Wars, 1806–15* // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) *Op. cit.*

²⁵⁰ Riabov O. *Nation and Gender in the Visual Representations of War Propaganda*, http://www.ivanovo.ac.ru/alumni/olegria/nation2_e.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.).

в немужском поведении, представляет собой изображение его прячущимся за женскими спинами (или под женской юбкой).²⁵¹ Например, оппозиция «настоящий мужчина – трус» занимала видное место в пропагандистской риторике как США, так и талибов в период военных действий в Афганистане после 11 сентября 2001 г. «Американцы любят пепси-колу. Мы любим смерть» – так представил эту оппозицию один офицер талибана.²⁵²

Вместе с тем следует принимать во внимание, что маскулинизация Своих и феминизация Чужих – это лишь одна из тенденций пропаганды. Как уже было отмечено, гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «экстремальной» степени развития. Так, в антииракском дискурсе С. Хуссейн был представлен в качестве «гипермачо», что, помимо прочего, подчеркивало его «отсталость» на фоне новой, «прогрессивной», маскулинности североамериканской культуры.²⁵³ Подобный прием играл не последнюю роль при освещении американскими медиа военной операции в Афганистане: талибов обвиняли в мизогинии и угнетении афганских женщин, которых американские мужчины пришли освободить от «средневековой тирании».²⁵⁴

История войн знает различные способы символической демаскулинизации Врага. Одним из них является, согласно исследованию А. Трекслера, «гендерная резня» – уничтожение всего мужского населения противника; в результате у Врага как бы остается только женский облик.²⁵⁵ Другим способом феминизации побежденного противника ста-

²⁵¹ Напр.: В. Дени Буржуй – Эх, опять от красных удирать надо!.. (Бутник-Сиверский В. Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918–1921. М., 1960. С. 623).

²⁵² Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

²⁵³ Niva S. Op. cit.

²⁵⁴ Аналогичные дискурсивные стратегии реализовывались и в колониальную эпоху: симпатии к «угнетенным восточным женщинам» со стороны их «белых сестер» были вызваны не только идеалами феминизма, но и теми же идеями о превосходстве и цивилизованности европейцев (и негодованием против отсталых восточных мужчин), что и империалистическая политика (Krishnaswamy R. Op. cit. P. 22). Представляя себя защитниками индийских женщин, британцы преследовали цель скорее демаскулинировать тем самым индийских мужчин, нежели эмансипировать женщин; индийская женщина для колонизатора была, в первую очередь, орудием для демонстрации неполноценности туземной маскулинности (Там же. P. 48).

²⁵⁵ См.: Goldstein J. Op. cit. P. 357.

новится кастрация пленников (или трупов павших воинов). Подобная практика была широко распространена в войнах древности; ее следы можно наблюдать в пропагандистской риторике конфликтов последнего столетия.²⁵⁶ Древний обычай заставлять пленников-мужчин носить женское платье – еще одна форма символической демаскулинизации. Средством демаскулинизации является и гомосексуальное насилие (включая символическое). Пропагандистский дискурс активно пользуется подобными сюжетами: например, среди посланий, начертанных на американских бомбах во время войны в Заливе, было и такое – «Саддам, нагнись!»; имя же иракского лидера часто переименовывалось в «содом».²⁵⁷

О том, что подобные приемы продолжают использоваться в наши дни, свидетельствуют и события в багдадской тюрьме «Абу Грейб» в 2004 г., вызвавшие широкий международный резонанс. Как написала «Вашингтон Пост», трудно придумать более символический пример для высказываемых исламистами предостережений о том, куда может привести западная свобода, чем опубликованный фотоснимок одетой в форму американки, держащей на поводке обнаженного арабского мужчину.²⁵⁸ Одним из мотивов такого поведения американцев называли стремление сломить волю иракцев к сопротивлению.

Наконец, в качестве средства демаскулинизации мужчин противоположной стороны выступает сексуальное насилие над их женщинами – практика, широко распространенная в период военных конфликтов. Систематическое изнасилование женщин на войне представляет собой не только и не столько насилие над конкретной женщиной, сколько способ высшего унижения вражеского сообщества, вторжение в границы Другого, оккупацию его символического места, попрание его мужества.²⁵⁹ «Насилие есть необходимая часть ритуала войны. Случается это редко или часто, война не является выигранной на символическом уровне до тех пор, пока враг не подвергся унижению при помощи унижения, ос-

---

²⁵⁶ Там же. Р. 358.

²⁵⁷ Там же. Р. 359, 361.

²⁵⁸ Краутхаммер Ч. «Абу Грейб» как символ // The Washington Post. 2004. 7 мая, <http://www.inosmi.ru/print/209471.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²⁵⁹ Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations. Р. 129; Mostov J. Op. cit. Р. 96.

корбления 'его' женщин».²⁶⁰ Изнасилованная женщина является знаком того, что мужчина оказался несостоятельным в роли защитника.²⁶¹ Выявленные закономерности отмечают исследователи различных военных конфликтов.²⁶²

Таким образом, феминизация Врага призвана показать его слабость. В то же время изображение Врага в женском облике может преследовать цель породить не только ощущение собственной мощи и уязвимости соперника, но и чувство страха перед его силой, коварством и непредсказуемостью – что связано с тем, что в концепте фемининного заключена возможность различных интерпретаций.²⁶³

В свою очередь, это обуславливает изображение собственной нации в образе женщины. Так, в визуальной пропаганде женские фигуры могут олицетворять силу нации и свидетельствовать о ее военном превосходстве: они не только вдохновляют мужчин на борьбу, но сами оказываются в центре событий, обнаруживая воинскую доблесть.²⁶⁴

Еще один модус феминизации Своих и маскулинизации Чужих преследует цель обосновать собственное моральное превосходство при помощи атрибутирования себе фемининных качеств. Викторианская парадигма женственности предполагала интерпретацию нравственности (отождествляемой, прежде всего, с бескорыстием и жертвенностью) как фемининного;²⁶⁵ репрезентации страны при помощи образов непорочных женщин – обычный прием военной пропаганды, призванный убедить в чистоте намерений своей державы и справедливом характере войны с

²⁶⁰ Keen S. Op. cit. P. 120.

²⁶¹ Goldstein J. Op. cit. P. 362. Этим объясняется включение данной темы в риторику войны. Например, во время Первой мировой войны один французский поэт писал: «Немцы, мы будем обладать вашими дочерьми» (Goldstein J. Op. cit. P. 363).

²⁶² Ueno C. Nationalism and Gender. Melbourne, 2004. P. 87–91; Harris R. «Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // Past and Present. Vol. 41 (Nov. 1993); Keen S. Op. cit. P. 120; Goldstein J. Op. cit. P. 371. Grayzel S. Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France during the First World War. Chapel Hill, 1999.

²⁶³ Об архетипе «Великой Матери» см.: Neumann E. The Great Mother: An Analysis of the Archetype. Princeton, 1963.

²⁶⁴ Rickards M. Posters of the First World War. New York, 1968. P. 25; Riabov O. Op. cit.

²⁶⁵ Elshtain J.B. Public Man, Private Woman: Women in Social and Political Thought. Princeton, 1981.

ее стороны.²⁶⁶ Например, в эпоху наполеоновских войн «Марианна» олицетворяла для французов революцию, жажду свободы, фемининные самоотречение и жертвенность. В пропаганде же соперников Франции «Марианну» представляли воплощением неуправляемой стихии, страсти, распутства, противопоставляя ей собственные национальные символы – «Британию», «Германию», королеву Луизу Прусскую, которые были призваны олицетворять непорочность и материнство.²⁶⁷ Европейские государства трактовали войны с Наполеоном как борьбу за торжество нравственности – и эти женские образы напоминали лишний раз о том, что Добродетель сражается с Пороком. Дж. Моссе подчеркивает, что такой лик женского архетипа, как Непорочная Дева, использовали и пропагандистские машины других стран, участвовавших в наполеоновских войнах, для демонстрации чистоты их намерений. Кроме того, гендерная символика включалась в межконфессиональные (и межэтнические) отношения, поскольку образ Марианны в интерпретации британской и германской пропаганды являлся также аллегорией католического романского мира с его чувственностью, сексуальной свободой, слабым самоконтролем.²⁶⁸

Наконец, в заключительной части параграфа остановимся на вопросе, как в военном дискурсе создается и корректируется гендерный порядок.

С одной стороны, в культурных сценариях войны подтверждаются традиционные роли мужчин и женщин; гендерное неравенство конструируется на войне, подчеркивает Дж. Голдстайн.²⁶⁹ О мужских ролях уже шла речь; как заметила Б. Эренрайх, «мужчины порождают войну – война порождает мужчин».²⁷⁰ Женские роли на войне многообразны, и война так же невозможна без символических женщин, как не существует она и без символических мужчин. Во-первых, как было отмечено, страдания женщин – тот образ пропагандистского дискурса, который обеспечивает успех военной мобилизации. Во-вторых, матери, жены, возлюбленные

---

²⁶⁶ Mosse G.L. *Nationalism and Sexuality*. P. 90.

²⁶⁷ См. также выразительный рисунок «Контраст» (1792), построенный на противопоставлении «Британии» и «Марианны» (Hunt T.L. *Op. cit.* P. 133).

²⁶⁸ Mosse G.L. *Nationalism and Sexuality*. P. 90; см. также: McCrone D. *Op. cit.* P. 47.

²⁶⁹ Goldstein J. *Op. cit.* P. 412.

²⁷⁰ Hooper C. *Manly States*. P. 82.

благословляют мужчин, легитимируя тем самым их участие в войне. В-третьих, женщины символизируют «нормальное» место, куда солдат возвращается после боев. В связи с этим исключительное значение в пропаганде приобретает образ верной подруги и жены; соответственно, одной из задач контрпропаганды становится попытка посеять сомнения у вражеских солдат в надежности «тыла». В-четвертых, женщины служат воплощением чувств сострадания и жалости, которые нация испытывает по отношению к павшим и раненым на поле боя. В-пятых, они выступают в качестве некой награды, которую получают настоящие мужчины. Лучшие женщины любят тех, кто хорошо воюет, выдавая тем самым мужчинам своеобразный сертификат подлинной мужественности. В-шестых, напротив, женщины ставят под сомнение маскулинность тех мужчин, которые не принимают участие в войне или ведут себя недостойно.²⁷¹

С другой стороны, военный дискурс создает и апробирует новые гендерные модели, ярким примером стало освещение в СМИ войны в Заливе. Во-первых, оно ознаменовало легитимацию новой формы маскулинности, которая сочетает «твердость и нежность». Просвещенной маскулинности Нового мирового порядка разрешены и ориентированность на семью, и сострадание, и чувствительность (хрестоматийный пример – слезы американского генерала Н. Шварцкопфа).²⁷² Однако, как заметил в связи с этим С. Нива, данные отличия от маскулинности периода Холодной войны, олицетворением которой часто называют героев Дж. Вэйна, отнюдь не свидетельствуют о том, что ушли в прошлое патриархат и насилие – просто они приобрели новые формы, позволяющие представить США в качестве страны, имеющей право устанавливать новый гендерный порядок и социальный порядок во всем мире в соответствии с собственным пониманием добра и зла.²⁷³ Во-вторых, в качестве дополнения новой маскулинности (и свидетельства мирового лидерства США) репрезентировалось присутствие в американской армии женщин-военнослужащих – на фоне образов мусульманских женщин, страдаю-

---

²⁷¹ Типологию женских ролей в военной пропаганде см.: Keen S. Op. cit. P. 60; Goldstein J. Op. cit. P. 306–309; Riabov O. Op. cit.

²⁷² Goldstein J. Op. cit. P. 279.

²⁷³ Niva S. Op. cit. P. 118–119; Hooper C. Manly States. P. 51.

щих от гендерного неравенства в репрессивных, отсталых режимах Востока.²⁷⁴

---

²⁷⁴ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 55.

